Армагеддон

Автор:
Роман Злотников

Армагеддон

Роман Валерьевич Злотников

Империя #2

Став президентом, а точнее, Императором Российской империи, Дмитрий Ярославичев проводит серию кардинальных реформ. Отложив разработку сырьевой отрасли, Россия делает рывок в области машиностроения и высоких технологий и становится монополистом на мировом рынке. Мировая общественность негодует. Восток и Запад активно проявляют антироссийские настроения. «Эти русские слишком много о себе думают, пора поставить их на место», – рассуждают в правительстве США. Круг сужается, и вот уже Россия вынуждена готовиться к войне… Но готов ли к этому новый император?

На самом деле все это часть грандиозного плана, цель которого – объединение человечества. Космос – последний рубеж. Преодолеть его возможно только единым, всепланетным государством.

Роман Злотников

Армагеддон

Пролог

Денек был хорош. Яркий, солнечный, умытый небольшим ночным дождиком, он сверкал, словно начищенный петровский пятак, заставив пенсионеров, составлявших основную массу пассажиров этой утренней электрички, забыть о проблемах, безденежье, старческих болячках, повытаскивать на свет божий заботливо укутанные по осени в старые тряпки лопаты, грабли и тяпки и, подобно леммингам во время их странных кочевок, устремиться толпой на штурм электричек. Вот толпа выплеснулась на перрон и торопливо двинулась к автобусным остановкам, по пути смешавшись с теми, кто по утреннему холодку спешил к привокзальному рынку, вольготно раскинувшемуся на специально огороженной территории, своевольно выплеснувшемуся на ступеньки подземного перехода и даже протянувшему свои щупальца к самым автобусным остановкам.

Высокий подтянутый майор с эмблемами горного стрелка, неторопливо двигавшийся в толпе, вдруг остановился и замер, не отрывая глаз от безногого мужика, сидевшего на грязноватом половичке с полузакрытыми глазами и тихонько, с надрывом, тянувшего: «И на рассвете вперед уходит рота солдат…», неумело подыгрывая себе на гитаре. Несколько мгновений офицер вглядывался в лицо, искривленное страдальческой гримасой, затем шагнул вперед и негромко позвал:

– Григорий? Изгаршин?

Безногий вздрогнул, его лицо мертвенно побледнело, он медленно открыл глаза:

– Командир?..

Майор присел на корточки, снял фуражку и пригладил волосы.

– Вот, значит, как…

Безногий сглотнул. Несколько мгновений они оба молчали, и это молчание да еще разительный контраст между чисто выбритым, лощеным офицером и заросшим щетиной, каким-то замызганным, опустившимся инвалидом – при том, что они тем не менее явно были одно, – как бы обособило их от многолюдного потока, отделило напрочь от весеннего тепла и суеты выходного дня.

– Давно ты так?

Безногий скривил губы в непонятно что обозначавшей тоскливой гримасе.

– У тебя есть квартира? Пенсия?

Безногий хмыкнул. Майор покачал головой и поднялся на ноги.

– Вот что, Григорий, пожалуй, нам стоит пообщаться поближе.

На небритых щеках безногого заиграли желваки.

– Нет, командир, не о чем нам разговаривать. Да и как? Половичка мне одному мало, да и не сядешь ты на него, а туда, где ты сядешь, меня не пустят. Да и ползти долго, мне еще… день отработать надо. – Инвалид скрипнул зубами. – Разошлись наши дорожки, и теперь уж навсегда…

Майор криво усмехнулся, безногий замер. Когда его взводный, на погонах которого тогда еще сверкало по паре маленьких лейтенантских звездочек, усмехался так, очень многое из того, что казалось раньше невозможным, неожиданно переставало быть таковым.

– Ну это мы еще посмотрим… – Майор, гибко наклонившись, с неожиданной легкостью поднял безногое, но довольно массивное тело. – Держись за шею.

Инвалид сдавленно произнес:

– Измажу…

Однако майор лишь насмешливо фыркнул и двинулся вперед легким, неспешным прогулочным шагом…

Когда они вышли из подземного перехода, впереди нарисовались двое качков. Вот они заметили необычное зрелище, на которое смотрели почти все, кто в тот момент шел по переходу или в его сторону, секунды две оторопело пялились на странную парочку, затем один из них поспешно подскочил к майору:

– Эй, ты че, ты куда безногого понес?

Майор остановился, резко развернулся (так, словно у него на руках ничего не было) и, окинув двойку громил небрежно-презрительным взглядом, вполголоса произнес:

– Это мой бывший солдат. Мы решили немного выпить. – Он мгновение помедлил. – А почему это вас так заинтересовало?

Качок, задавший вопрос, наморщил лоб, напряженно переваривая информацию, затем его лицо прояснилось и он уже открыл было рот, чтобы вежливо предложить этому придурку в форме положить вещь на место и не вмешиваться в бизнес, когда его опередил второй:

– Какие проблемы, командир? Все в ажуре, идите к «Любаше». Скажите, Баркас послал – обслужит в лучшем виде.

Офицер небрежно кивнул:

– Спасибо, но мы, пожалуй, поищем что-нибудь получше. – Легко развернувшись на каблуках, он направился к стоянке такси. Первый качок проводил их недоуменным взглядом, затем повернулся к товарищу:

– Ты че, Колян, он же… это ж Гришаня-инвалид… нам же Татарин…

Второй окинул его снисходительным взглядом:

– Дурак ты, Молотила. Ты значок на мундире видал? Это ж терранец. Я в армии на них насмотрелся. Если б ты сейчас начал права качать, то уже через пять минут тут была бы толпа ментов и военных. А потом нас в такой бы оборот взяли, что никакой ментовский крышарь не помог бы. – Он помолчал, усиленно размышляя. – А вообще, Татарину надо сказать… Похоже, с Гришаней придется распрощаться. А жаль – не мужик, а золотая жила был. Орденоносец!

– Да ты че, – скривился Молотила, – этот… военный… он же не наш. Я его никогда здесь не видел. Уедет – и никуда Гришаня не денется.

Второй вздохнул:

– Дурак ты, Молотила, потому тебя и в армию не взяли. Вон даже званий не различаешь. Я ж тебе сказал – это терранец. А если они за какое дело берутся, то самое правильное – не путаться у них под ногами. Если этот майор за Гришаню взялся, можешь быть уверен, на вокзале он больше не появится…

В ресторан «Золотая корона» их пустили не сразу. Метрдотель сначала пораженно уставился на неожиданное явление, возникшее на пороге его фешенебельного ресторана, после чего попытался деликатно намекнуть, что остальные гости будут не в восторге от подобного соседства. А потому он предпочтет лучше потерять двух столь уважаемых клиентов, нежели лишиться всех остальных и своими руками разрушить ауру престижности, окружающую его заведение. Но майор только улыбнулся (правда, так, что у метрдотеля по спине пробежали мурашки) и учтиво сказал:

– Мы никоим образом не хотим создавать вам лишних проблем. И если среди ваших посетителей есть люди, коим созерцание кавалера ордена Андрея Первозванного с мечами может создать проблемы с пищеварением, то мы готовы оплатить отдельный кабинет.

Метрдотель несколько мгновений вглядывался в холодно блестевшие глаза высокого военного, которому дополнительный груз, казалось, нисколько не мешал вести учтивую беседу, и молча кивнул головой…

Спустя час изрядно осоловевший Григорий закончил свой горестный рассказ:

– …и за это меня посадили на пятнадцать суток. Но скажу тебе честно, командир, если бы все случилось еще раз, я бы опять дал ему в морду.

Майор некоторое время сидел молча, задумчиво рассматривая на просвет остатки водки в своей рюмке, затем решительным жестом поставил ее на стол и, взяв бутылку, разлил по рюмкам остатки водки.

– Вот что я тебе скажу, Григорий, либо я чего-то не понимаю, либо… кто-то другой еще не понял, что мы живем в империи! Сдается мне, более вероятно второе. А потому давай-ка на посошок и… поехали.

– Куда? – оторопело спросил инвалид.

– Увидишь. – Майор усмехнулся и лихо опрокинул рюмку.

Когда эта неординарная парочка появилась в приемной губернатора, секретарша, которая и так была не в очень хорошем настроении, еле сдержала раздражение (опять охрана прошляпила каких-то полоумных). Дело в том, что сегодня был вроде бы как выходной и она собиралась пораньше сбежать с работы – смотаться к подружке на смотрины. У той появился новый хахаль, а у него, как выяснилось, есть приятель, немолодой, не особенно богатый, разведенный и с некоторыми проблемами в сексуальной сфере, короче, как раз то, что ей надо, чтобы, с одной стороны, быть «замужем», а с другой – не менять привычного образа жизни. Но шеф еще утром прозрачно намекнул, что вечер сегодня для нее закончится поздно и, скорее всего, в «Медведях» (загородном доме для приема почетных гостей). В принципе она была совершенно не против. Губернатор – мужчина видный и в самом соку, к тому же подобное «неформальное» общение приносило кое-какие дивиденды материального плана, но сегодня… Итак, секретарша с трудом сдержала раздражение и, вымучив улыбку, которая ей самой казалась вполне приветливой, вежливо спросила:

– Вы к кому, господа?

Тот, что стоял на своих ногах, улыбнулся в ответ и без какой-либо натуги в голосе (что было, в общем-то, необычно, поскольку кабинет губернатора располагался на четвертом этаже старого, еще сталинской постройки, здания областной администрации, и ему пришлось волочь на себе эту безногую обузу аж двенадцать лестничных пролетов) ответил:

– Этот человек – кавалер ордена Андрея Первозванного с мечами Григорий Изгаршин. Мы идем к губернатору.

Секретарша, внутренне воздев руки к небу, незаметно надавила кнопку вызова охраны и, повторив (опять безуспешно) свое покушение на приветливую улыбку, терпеливо пояснила:

– К сожалению, губернатор сейчас занят и не может вас принять. У него серьезное совещание.

Майор снова улыбнулся в ответ, но на этот раз с некоторой иронией:

– Ничего, мы подождем.

Секретарша снова надавила кнопку (что они там, заснули, что ли?) и ответила, уже не пытаясь скрыть раздражение:

– Боюсь, сегодня у губернатора слишком плотный график и вряд ли найдется время вас принять.

В этот момент двери приемной распахнулись и на пороге появились два сержанта-милиционера. Секретарша облегченно вздохнула, но военный не обратил на них никакого внимания. Зато на его щеках задвигались желваки, а тон внезапно стал сух и холоден.

– Извините, сударыня, а вы когда-нибудь читали Указ Императора о статусе кавалера ордена Андрея Первозванного?

Секретарша сердито поджала губы:

– Нет и не испытываю никакого желания. – Она повернулась к милиционерам: – Проводите, пожалуйста, наших гостей к выходу.

Но те, вместо того чтобы тут же кинуться на этих придурковатых посетителей, почему-то замялись, а майор вздохнул и небрежным жестом, как будто у него на шее не висело как минимум килограммов шестьдесят живого веса, извлек из кармана мобильный телефон:

– Прошу прощения, я должен сделать один звонок…

То, что произошло в следующие полчаса, не могло присниться секретарше даже в самом кошмарном сне. Через десять минут из кабинета выскочил как ошпаренный губернатор. Затормозив на пороге, он окинул приемную затравленным взглядом, а затем, точно мартовский заяц, скакнул к странным посетителям, скромно устроившимся на дальнем диванчике под охраной двух милицейских сержантов, которые вели себя с этими гостями словно заторможенные. (Секретарша даже собиралась сразу по уходе этой парочки позвонить начальнику отделения и высказать ему все, что она думает о подобном вопиюще пренебрежительном отношении его подчиненных к своим

обязанностям.) Подскочив к гостям, губернатор всплеснул руками и плаксиво запричитал:

– Ну что ж вы так?! Ну зачем же сразу… Разве мы не могли…

Майор неторопливо поднялся. В неторопливости этой было, однако, некое странное величие. Вот так же неторопливо выходит из своей защищенной шахты стартующая межконтинентальная баллистическая ракета.

– Извините, уважаемый, но мы попытались действовать в соответствии со статусом кавалера ордена Андрея Первозванного. Однако, как оказалось, ваш персонал совершенно не осведомлен о том, что, согласно пункту «Г» статьи шестой статуса, кавалер ордена Андрея Первозванного имеет право внеочередного обращения к губернатору, прокурору, начальникам управлений Внутренних дел и Службы безопасности и председателю суда территории. – Майор перевел дыхание. – Я не говорю уж о том, что вы либо ваши некомпетентные (он выделил это слово голосом) подчиненные нарушили еще несколько статей статуса. Так что во всем, что произошло, вы должны винить только себя.

Секретарша не верила своим глазам. Губернатор, всегда такой важный, преисполненный уверенности в себе мужчина (даже занимаясь с ней сексом, он не терял своей барственной вальяжности), стоял сейчас, переминаясь с ноги на ногу, перед каким-то общевойсковым майором, и на лице его было испуганное выражение проштрафившегося школьника. Однако этот майор, похоже, не видел в этом ничего необычного.

– Вы до сих пор не поняли, что вот уже три года живете в Империи, а не в том бардаке, что был до нее. И что каждый гражданин Империи вправе ожидать, что гарантированные ему Императором права будут соблюдаться полностью и неукоснительно. – Майор сделал короткую паузу, не спуская с губернатора несколько брезгливого взгляда, затем заговорил снова: – Подумайте вот о чем, уважаемый (это слово майор произносил с интонацией, не очень-то соответствовавшей его смыслу): Император царствует уже третий год, и за все это время на свет появилось дай бог три десятка документов, на которых стоит его личная подпись. Даже под Конституцией стоят подписи выборных Земского собора. Неужели вы не задумывались, почему это так? – Он покачал головой. – А все дело в том, что Император, ставя свою подпись, дает таким образом личную гарантию того, что этот документ будет выполняться неукоснительно. – Под

суровым взглядом майора стоявший перед ним хозяин огромного региона, на территории которого уместилась бы добрая треть, а то и побольше, европейских государств, нервно дернулся. – Я – офицер Его Величества, – продолжал между тем майор. – Я – один из тех, кто принес ему присягу. И он, – тут майор повернулся в сторону безногого инвалида, которого принес в эту приемную на своих собственных руках и который смотрел сейчас на все происходящее круглыми ошалевшими глазами, – тоже. И мы готовы и Будем делать все, чтобы слово Императора осталось истинным словом императора.

Майор замолчал, еще раз окинул всех присутствующих взглядом (у секретарши, несмотря на бог весть какие неприятности, которые обрушатся на ее голову из-за этого человека, как-то сладко заныло внизу живота) и повернулся к инвалиду:

– Ну, до свидания, Гриша. Через месяц приеду на новоселье. – Он усмехнулся и развел руками. – Раньше никак не смогу, ты уж извини. – После чего повернулся и твердым шагом направился к выходу.

Когда за его спиной захлопнулась створка высокой, в полтора человеческих роста, двухстворчатой двери приемной и секретарша смогла наконец оторвать взгляд от стройной фигуры, затянутой в столь неотразимо сидящую на ней военную форму нового, только что принятого образца, она поразилась перемене, произошедшей с губернатором. Его дородная фигура напоминала надувную резиновую куклу, из которой выпустили воздух. Он посмотрел потухшими глазами на инвалида, неловко притулившегося на диванчике, потом повернулся к ней и убитым голосом произнес:

– Пригласите ко мне Мищева (это был вице-губернатор по капитальному строительству) и Бултакова (руководитель областного отделения пенсионного фонда)… немедленно! – после чего повернулся и, сгорбившись, прошаркал в свой кабинет, предоставив находившимся в приемной гадать, что могло столь разительно изменить поведение этого человека, властного и не терпевшего ничьих возражений. А еще все впервые почувствовали, что в этой стране действительно что-то переменилось и что на одной восьмой части суши наконец-то появился кто-то, у кого нашлось время для тех, кого еще со времен Гоголя и Достоевского принято называть «маленьким человеком». А то, что, как оказалось, этот «кто-то» не одинок, только укрепляло это ощущение.

Часть I

Начало

1

Сегодня Данилкин опять был навеселе. Впрочем, это никого не удивляло. Данилкин вообще это дело любил. И мог себе позволить. Данилкин вообще всегда умел устраиваться. Не так чтобы очень, но получше многих. Во всяком случае, и семье хватало, и на это дело всегда оставалось. Когда завод лег и большинство рабочего люда перешло на подножный корм, перебиваясь кто скудной торговлишкой на рынке у местной станции, а кто и просто рыбалкой, Данилкин покрутился-покрутился, раздобыл денег и пристроился торговать на самом большом рынке, расположенном на бывшем центральном стадионе областного центра. Через пару лет его оттуда выжили (кто говорил – проторговался и наделал долгов, а кто – что не на ту бабу запрыгнул), но кое-какие связи к тому моменту у него уже завязались. Так что когда до их богом забытого городка добрался обшарпанный грузовичок с литовскими номерами, то дверь квартиры, в которую постучался ее водитель, была как раз Данилкиной. Литовцев интересовали грибы, а именно лисички. Оказалось, что в богатенькой Германии наши родные посконные лисички – незнамо какой дорогущий экзотический деликатес, ну типа как у нас французские лягушачьи лапки. Так что Данилкин, как ему казалось, напал на золотую жилу. Он посолиднел, завел себе серую подержанную «тойоту», джинсовую жилетку с кучей карманов и щегольскую сумочку-визитку из натуральной кожи. Но, видно, не суждено ему было выбиться в совсем уж обеспеченные люди. Бизнес с грибами как-то потихоньку заглох: партнеры то ли проторговались, то ли нашли поставщиков где-то поближе, торговля на рынке, за которую он, по старой памяти, решил вновь приняться, тоже как-то не пошла, так что до того самого момента, когда в пыльных корпусах когда-то жутко секретного, а затем на протяжении многих лет абсолютно мертвого завода вновь зажглись многосотваттные светильники-люстры, Данилкин крутился как мог, подрабатывая то экспедитором в фирмах-однодневках, то частным извозом на замученной русскими дорогами и утомленной национальным сервисом «тойоте», то еще кое-чем.

Впрочем, это все как раз выходило у него в общем-то неплохо. Наверное, это и был его уровень, его жизнь, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Ну заточен был Данилкин, которого некоторые из его еще менее удачливых приятелей-собутыльников уже начали величать Сергеем Семенычем, под такую жизнь – крутиться по-мелкому, сшибать нехитрую деньгу, подешевле купив, подороже продав, квасить с мужиками в гараже и по выходным цедить пиво с шурином у телевизора, по которому идет финал Кубка УЕФА или чемпионат России по хоккею. Уж на гаражные посиделки да на пивко деньжат ему всегда удавалось срубить, а что до остального… Ну не всем же по Канарам ездить, некоторым и пары недель на Байкале или в Анапе (тут уж кому куда ближе) вполне достаточно. Однако Данилкин всегда хотел большего и в душе страшно обижался, почему это у него ничего не получается. На людях он, конечно, хорохорился и представлял дело так, что либо ему надоело этим заниматься, либо все загубили какие-нибудь «уроды» (персональный состав постоянно менялся, но как класс эти самые «уроды» присутствовали в жизни Данилкина постоянно), а он не захотел их в тюрьму сажать. Просто пожалел. Другой на его месте уж давно бы сообразил, что не след ему пыжиться, мало ли бывших военных, инженеров или учителей, вышвырнутых в пучину примитивного рынка-базара, покрутились там и, пару раз обжегшись, вернулись обратно, на уже однажды выбранную стезю, поняв, что это – не их, что всех денег все равно не заработаешь и что лучше за гроши делать то, что у тебя получается хорошо, чем, пытаясь заработать поболе, заниматься тем, что как раз не получается, с риском потерять все. Но Данилкин был не из таких. Обжегшись на очередной своей авантюре, он некоторое время «отлеживался» в экспедиторах или таксерах, а затем с горящими глазами бросался в следующую.

В цех Данилкин попал как раз после своего очередного пролета. Завод, который раньше кормил весь город, а последние семь лет стоял как памятник великому советскому прошлому, внезапно ожил. Произошло это практически молниеносно. Сначала в город прилетела стая молодых ребят, за один месяц сделавшая едва ли не годовую выручку полуразвалившейся городской гостинице. Сергевна, дежурная администраторша, как и все в этой стране уже изрядно просвещенная американскими боевиками и мексиканскими сериалами, потом рассказывала, что больше всего это ей напомнило налет. Ранним весенним утром за дверями гостиницы, в последний раз помытыми дай бог памяти лет пять назад и успевшими с той поры затянуться паутиной, послышался нарастающий гул, потом визг тормозов, чуть погодя громкий стук захлопываемых дверец, а затем двери гостиницы распахнулись и внутрь ввалилось почти три десятка человек. Примерно треть составляли благообразные старички в заношенных костюмах, которых Сергевна помнила еще по тем временам, когда завод был на

промышленной карте страны величиной, и немалой (тогда они приезжали как представителя министерства, главков и КБ), но первую скрипку в этой многочисленной команде играли не они. Главенствовали молодые парни и девушки в строгих деловых костюмах, явно недешевых, с самоуверенно вздернутыми подбородками и хищным блеском в глазах. Ввалившаяся толпа тут же разобрала ключи от номеров, заказала ужин, и не успела Сергевна подробно рассказать о происшествии по телефону всего лишь второй товарке из своего длинного списка, как они вновь попрыгали в свои машины и куда-то укатили. Как оказалось, укатили они на завод. Когда в заводоуправление ввалился ошарашенный неожиданным налетом директор, на заводе уже вовсю кипела жизнь. Эти ребята оказались довольно простого нрава. Узнав у сторожа при воротах, у кого находятся ключи от тех или иных помещений, они быстренько мотанулись к указанными личностями на своих машинах (некоторых пришлось отлавливать на огороде или на рыбалке), где данным товарищам был тут же предъявлен оформленный по всем правилам и заверенный в областном управлении ФСБ допуск (как-никак завод когда-то был все ж таки секретным), а затем предложено заключить «Договор об оказании консультативной помощи». А так как к договору полагался аванс в размере десяти тысяч рублей (большинство из тех, с кем они разговаривали, таких денег и в руках-то никогда не держали), вопрос с оказанием этой самой консультативной помощи решился практически мгновенно. Так что спустя час все необходимые личности были на заводе, и к приезду директора часть «налетчиков» уже копались в документации, а остальные разбежались по заводу, выясняя состояние инженерных сетей, внутризаводских железнодорожных магистралей и основных производственных мощностей. Директор попытался было поднять бучу под маркой того, что это страшно секретное предприятие, так что «посторонним» находиться здесь совершенно невозможно, но один из вновь прибывших оказался как раз офицером ФСБ, курирующим его предприятие, и буча утихла, так толком и не начавшись.

«Налетчики», как их с легкой руки Сергевны стал называть весь город, пробыли на заводе всего неделю, но старожилы, с которыми был заключен «Договор об оказании консультативной помощи», позже рассказывали, что за эту неделю умотались так, как не уматывались даже во время ударных трудовых вахт навстречу очередному партсъезду. Возвращения аванса, как опасались некоторые (отработали-то всего неделю), никто не потребовал, но все сошлись на том, что за эти деньги они отгорбатились честно. Рабочий день начинался в шесть утра, а из цехов и конторских помещений уходили едва ли не за полночь. Да и после того как завод пустел, в ночи еще долго светились гостиничные окна. Как видно, «налетчики» ночами стучали там что-то на своих щегольских

ноутбуках, но с утра все они снова появлялись на своих рабочих местах как с иголочки – чисто выбритыми, хорошо пахнущими, с острыми как бритва стрелками на брюках и в безукоризненной обуви. Когда стало ясно, что дело идет к отъезду, местные начали осторожненько выяснять, чего «налетчики» накопали и чем это грозит. «Налетчики» особо не откровенничали, но к исходу недели уже весь город знал, что у завода есть шанс возродиться. Правда, как считали практически все из «налетчиков», с кем удалось пообщаться местным, это будет последний шанс. Если тот заказ, который собираются разместить на заводе, по тем или иным причинам будет сорван, то на этом славном предприятии можно будет окончательно поставить крест. И город пусть выживает как сумеет. Вот почему, когда директор, вернувшийся в тот же день, как его «попросили», к своему привычному занятию – заливанию неприятностей водкой, – однажды утром, слегка протрезвев, вдруг вспомнил, как в первой половине девяностых выводил многотысячные толпы рабочих на улицы областного центра и перекрывал боевыми рабочими отрядами Транссибирскую магистраль, и попытался вновь обратиться с пламенным воззванием к своему славному пролетариату, ответом ему было глухое раздражение. Город замер в тревожном ожидании.

Следующий «налет» случился почти через два месяца, когда город уже почти потерял надежду. В полдень на дороге появилась длинная вереница, состоявшая из двух десятков легковых машин, трех автобусов и целой колонны груженых грузовиков. Один автобус и несколько легковушек притормозили у гостиницы, а остальные проследовали прямо к заводским воротам. Двухминутные препирательства со сторожем (директор сделал выводы из прошлого налета и изрядно перетряхнул команду сторожей, оставив только старых передовиков производства, ударников и активистов местной компартячейки) закончились смятой пятисоткой, перекочевавшей в руки ошалевшего от таких денег деда и клятвенным обещанием оставить того на столь почетной службе и при новом руководстве, после чего машины въехали на заводской двор и развернулись. Из первого автобуса выскочило два десятка крепких парней в строгой черно-синей униформе и с бляхами на груди, сообщавшими всем окружающим, что они представляют частное охранное агентство «Беркут», из второго посыпались работяги, которые тут же принялись разгружать грузовики.

Спустя двадцать минут к воротам подкатила старенькая директорская «волга», но по бокам и сзади ошарашенного дедка-сторожа грозно возвышалось трое охранников в униформе, поэтому из машины никто не вышел и «волга», постояв минут десять, развернулась и укатила обратно. А еще через час на улицах

городка, уже гудевшего как растревоженный улей, появились объявления, которые гласили:

«ЗАО „Восточный машиностроительный завод“ требуются:

Сварщики.

Крановщики.

Станочники широкого профиля.

Слесари по ремонту металлорежущих станков.

Слесари-инструментальщики.

Слесари КИП.

Столяры.

Плотники…

(Всего было перечислено около двадцати рабочих и пятнадцать инженерных и конторских специальностей.)

Подробности желающие могут уточнить с 10 до 21 часа в здании заводоуправления, комнаты 11–39. Запись на собеседование и тестирование будет производиться там же. Все квалификационные разряды должны быть подтверждены документами и результатами специальных экзаменов, которые будут организованы.

Необязательных, недобросовестных, недостаточно подготовленных, пьющих и приворовывающих просим не беспокоиться».

Последняя фраза привлекла наибольшее внимание. Народ, толпившийся у объявления, читал и перечитывал ее по десятку раз, то похохатывая, то негромко матерясь, но в общем и целом все пришли к выводу, что «пришлые» –

народ серьезный и правильный и к их предупреждению стоит отнестись со всей ответственностью. Так что тем же вечером во многих семьях серьезно изменились жизненные планы. Мужики рылись в комодах и ящиках, извлекая из бумажных завалов, казалось, навечно погребенные там дипломы и квалификационные книжки, и усаживались за столы с потрепанными учебниками и пожелтевшими конспектами, оставшимися с тех далеких дней, когда они только-только осваивали свои рабочие специальности, а женщины торопливо извлекали из гардеробов старенький, но старательно вычищенный единственный мужнин парадный костюм и принимались гладить и отпаривать ветхую от времени материю. Мужчины всегда составляли на заводе большую часть работников, а их жены устраивались в детских садах, столовых, заводской поликлинике, профилактории и иных учреждениях, прилепившихся к гиганту индустрии, как щенята к матке, так что возрождение завода сулило шанс всем.

Назавтра, еще не было и восьми утра, а у проходной уже собралась огромная толпа, тысяч в пять-шесть. И люди все подходили и подходили. Без четверти девять, когда в заводские ворота въехали автобусы, доставившие из гостиницы новых хозяев завода, на площади перед входом колыхалось людское море.

Ровно в девять двери проходной распахнулись, и народ ломанулся по когда-то привычному, но к нынешнему дню уже изрядно подзабытому маршруту, мимо кабин, в которых вместо бабок-вохровок маячили мускулистые молодцы в униформе, по родимому двору и налево, к заводоуправлению. Запустив человек триста, молодцы в униформе сноровисто развернули кабины, перекрыв проход. Народ заволновался, но старший среди охранников поднес ко рту мегафон и прокричал:

– Господа, прошу не беспокоиться. Чтобы не было давки во дворе, запускать будем партиями. Следующая пойдет через полчаса.

Первые счастливчики вышли через пять минут. Их тут же плотно обступили:

– Ну как? Что? Приняли? Сколько зарплаты-то обещают? Что спрашивали? Какой разряд дали? Когда экзамены-то?

Вопросы сыпались градом, но те лишь смущались и озабоченно морщились.

– Да не знаю я… Там только спросили, кто где работал, имя-фамилию и телефон. А еще – с кем бы я хотел работать. Дескать, моя зарплата будет напрямую зависеть от того, как аккуратно будут делать свое дело те, кто будет работать рядом со мной. И еще сказали, сообщат, когда приходить на собеседование.

Народ заволновался. Это как же это: нас спрашивают, с кем мы хотим работать? Что творится-то? У многих было опасение, что понаехавшие богатеи, купившие завод на наворованные деньги, будут обращаться с народом как с быдлом. Не то чтобы этого так уж сильно боялись – народ у нас терпеливый, перетерпели бы, притерлись, лишь бы вырваться из этой беспросветной нищеты… но первая неожиданность оказалась приятной.

До вечера пропустили едва ли пятую часть желающих. После того как первые счастливчики вернулись в город, оттуда набежала еще уйма народу. На следующий день на местных рынках и базарчиках, раскинувшихся у остановок и крупных магазинов, работал от силы каждый пятый лоток. Утренние электрички и автобусы на областной центр, которые обычно брали штурмом, ушли полупустыми. Народ почуял, что дело серьезно. О том, как работают и сколько платят «налетчики», после того, первого, «налета» по городу ходили легенды. И большинство было готово пахать. Выживать всем уже опостылело. Хотелось просто жить. Как в старые времена, или пусть не так, пусть хуже, но жить, черт возьми! А не думать, что купить – носки ребенку или два кило картошки на пожрать назавтра.

Через две недели первым счастливчикам сообщили, что их ждут для собеседования, а на следующий день большинство из них уже двигалось в сторону проходной с новенькими пропусками в руках. И их число начало расти с каждым днем. А когда через вновь отремонтированное железнодорожное КПП, охраняемое все теми же ребятами в униформе, прошел первый эшелон с металлом, город понял, что завод ожил…

Через месяц после того, как на завод прибыл первый товарняк, народ собрали на митинг. Все пришли нарядные, с цветами, с детьми, по привычке ожидая долгих речей и громогласных заявлений, но «налетчики», которых уже все постепенно привыкли считать своими, и тут не отказались от своих принципов. На трибуну взошла только одна невысокая, хрупкая дама, о которой никто ничего не знал, кроме того, что она у «налетчиков» главная и сразу по приезде заняла директорский кабинет. Ни с кем из местных, включая мэра и прокурора, она до сих пор лично не встречалась. Зато когда мэр в разговоре с одним из ее то ли

помощников, то ли замов посетовал, что у города на ходу всего пятнадцать автобусов, да и те больше напоминают стянутый проволокой набор донельзя износившихся деталей, чем средство передвижения, тот мило улыбнулся и сказал:

– Что ж, я думаю, с этим делом Дарья Александровна вам поможет. Она как раз просила меня узнать, как в городе дела с общественным транспортом.

Мэр загорелся:

– Вот это здорово! А сколько она может выделить на это дело?

Молодой человек отрицательно качнул головой:

– Нет, денег не будет. Будут автобусы. И только в том случае, если у вас есть необходимая база для обслуживания. Покупать технику, не имея возможности содержать ее в приличном состоянии, – абсурд.

Мэр нервно хмыкнул. Значит, никакого тендера, а значит, и возможности положить кое-что себе в карман, не будет. Но буквально тем же вечером ему домой вдруг позвонил вице-губернатор, курирующий вопросы коммунального хозяйства (вот уже третий месяц мэр безуспешно пытался попасть к нему на прием), и пророкотал в трубку:

– Слушай, как у тебя там в ПАТПе[1 - ПАТП – пассажирское автотранспортное предприятие.] с мастерскими? Мы тут собираемся выделить тебе полста мазовских автобусов, так ты как, сможешь их обслуживать?

Мэр, которого и сам факт звонка, и содержание разговора привели в состояние, близкое к шоку, что-то промямлил в трубку, и вице-губернатор недовольно проворчал:

– Ладно, пришлю тебе еще и начальника отдела закупок. Определитесь там, что надо, чтобы мастерские в божеский вид привести. Поможем…

И вот эта женщина вышла на трибуну. Она окинула взглядом повернутые к ней лица и, наклонившись к микрофону, произнесла:

– Друзья, сегодня мы запускаем нулевой цикл. Через три месяца наш завод должен выдать первое изделие… первый генератор. В прошлом наш завод не раз первым осваивал промышленное производство уникальных изделий, аналогов которым не было в мире. И сегодня я хочу сообщить вам… – Она мгновение помедлила и закончила, возвысив голос: – что эти времена вернулись!

Народ восторженно завопил. Дождавшись, пока крики умолкнут, женщина вновь наклонилась к микрофону:

– Я не говорю вам, что мы будем изготавливать продукцию на уровне лучших мировых образцов или что она будет не хуже зарубежных аналогов. Потому что это неправда. Аналогов тому, что будем производить мы, нигде в мире не существует!

Это заявление было встречено еще более громкими криками.

– Но для того, чтобы это стало истинной правдой, мы с вами должны сделать одно. Мы должны научиться работать так, как еще никто в мире не работал. Никто, никогда и нигде! Если для нас это слабо, то не стоит и браться. – Она замолчала, и на этот раз никаких приветственных криков не было. Все смотрели на женщину, замершую на трибуне, и ждали, что она скажет дальше. А она обвела стоящих перед ней людей долгим, внимательным взглядом (каждому показалось, что она смотрит именно на него) и продолжала: – Мы должны научиться работать аккуратно и… красиво. Я хочу, чтобы каждый из вас был готов скорее отрубить себе руку, чем сделать некрасивый сварной шов, чтобы каждый болт был не только затянут с тем моментом, который стоит в паспорте сборки, но и трижды проверен, чтобы сорванный шлиц на шурупе был бы для вас чудовищной трагедией сродни смерти ребенка. Только тогда мы сможем сказать, что мы – первые, что мы – номер один в этом мире. А те, кто этого не поймет, будут вышвырнуты за ворота, как нашкодившие щенки. И я забуду о том, что на этом свете есть такие люди. На этом заводе не будет ни пьяниц, ни семейных скандалистов. Каждый из мужчин, чья жена сделает шаг за проходную, чтобы пожаловаться на непотребное поведение мужа, может считать себя уволенным. Каждый, кто не сумеет понять, что если он хочет трудиться на этом заводе, то должен прилагать усилия постоянно, круглые сутки, а не только с начала и до конца рабочей смены, может немедленно повернуться и идти сдавать пропуск. – Она снова сделала паузу и, коротко поклонившись, закончила свою речь: – А сейчас я поздравляю вас с тем, что мы начали двигаться по этому пути. И я сделаю все, чтобы мы прошли его до конца.

Поэтому… за работу, друзья. – Женщина тихо спустилась с трибуны. Люди еще несколько минут постояли, то ли размышляя над сказанным, то ли ожидая, что на трибуне появится кто-то еще, а затем так же тихо разошлись…

И вот сегодня Данилкин опять пришел на смену навеселе. В третий раз за последнюю неделю. И пока ему это сходило с рук. Начальник цеха приходился ему двоюродным дядей, да и Данилкин обычно первые два часа ныкался в раздевалке, пока не приходил в норму, и только потом выползал на свет божий, но сегодня он что-то осмелел и, усевшись на верстаке, начал докапываться до Митрича.

– Эй, старый, все так и ковыряешься… Всю жизнь проковырялся, на перекур не отрывался, а че наковырял? Шиш, да еще без масла.

– А ты-то че, шиш с маслом наковырял? – ворчливо отозвался Данилыч.

– А я и не напрягаюсь. На скока мне платят, на стока я и пашу. А как ты, надрываться мне никакого резону нет…

Беседа у них завязалась довольно оживленная, но тут произошло неожиданное. Откуда появился этот шустрый парень из числа «налетчиков», со значком-бляхой «Менеджер по организации производства», никто так и не понял. Только что вроде как никого не было – и вот он уже протолкался сквозь кучку зевак. Завидев его, все замерли, а парень, подойдя к Данилкину и поведя носом, повернулся и окинул присутствующих ледяным взглядом.

– Позовите начальника цеха.

Народ тихонько рассосался, но далеко уходить не стал. Всем было интересно, чем это закончится. Поэтому когда на сцене появился дядя Данилкина, все навострили уши.

– Что тут произошло? – Голос у начальника цеха был солидный, да и сам он был мужчина серьезный.

Однако парень не стушевался:

– Валерий Дмитриевич, в вашем цехе на рабочем месте находится пьяный рабочий. Я останавливаю производство в этом цехе. Распустите рабочих по домам.

– Что-о-о? Да ты что, сопляк! Ты понимаешь, что ты творишь? Ты имеешь представление о том, что такое производственный цикл? Да ты знаешь…

Парень вскинул руку:

– Валерий Дмитриевич, решение принято. Люди, лояльно относящиеся к тому, что их коллега пришел на работу пьяным, не готовы выполнять свою собственную работу с требуемым качеством. Я даю вам всем время подумать над своими моральными установками. На сегодня работа вашего цеха закончена.

– Да какого цеха!.. – Валерий Дмитриевич даже охрип от возмущения. – Да ты понимаешь, сопляк, что ты парализуешь работу всего завода!

– Значит, вы отказываетесь выполнить мое распоряжение?

– Да пошел ты…

Парень окинул начальника цеха задумчивым взглядом и спокойно произнес:

– Что ж, в таком случае решение этого вопроса уже выходит за уровень моей компетенции, – повернулся и так же спокойно покинул цех.

Начальник цеха проводил его тяжелым взглядом (перед оформлением контракта его под роспись ознакомили с целой кипой документов, одним из которых и было как раз положение о «Менеджерах по организации производства», согласно которому этим самым менеджерам давались огромные права; впрочем, с этим документом был ознакомлен каждый) и повернулся к Данилкину. Тот сидел притихший.

– Еще раз придешь с запахом – уволю. – Он повернулся, собравшись идти к своему кабинету. На душе было муторно, но особых проблем он не предвидел. Из-за одного выпившего мужика останавливать работу целого завода… до такого могут додуматься только такие вот амбициозные сопляки. А он старый

производственник и знает, что почем в этой жизни.

Но попасть в кабинет ему было не суждено. У дальнего пролета звонко застучали женские каблучки. Начальник цеха повернулся и… опешил. По цеху стремительно шла директорша.

Подойдя, она с интересом посмотрела на съежившегося Данилкина, потом перевела взгляд на начальника цеха:

– Пожалуйста, соберите рабочих.

Через пять минут сто сорок человек окружили ее плотным кольцом. Директорша вскинула руку, призывая всех к молчанию, а затем мягко заговорила:

– Господа, все мы совершаем ошибки. Вы совершили ошибку, когда решили, что пьяный на соседнем рабочем месте – это не ваша проблема, начальник цеха – когда не понял, до какой степени его цех погряз в подобных проблемах, ибо я не верю, что сегодняшний случай первый или что все ограничивается только выпивкой, а я… когда приняла вас на работу. – Она на мгновение прервала свою речь, прежде чем заговорить снова все тем же мягким тоном: – Однако у меня, в отличие от вас, еще есть шанс исправить эту ошибку. – Тут директорша повернулась и негромко приказала: – Всеволод Пантелеевич (как за ее левым плечом появился зам. по кадрам, из местных, нормальный мужик, в прежние времена руководивший производственным отделом, никто и не заметил), подготовьте приказ. Цех номер семнадцать – с завтрашнего числа расформирован. Все работавшие в этом цехе – уволены. А поскольку завод без продукции этого цеха работать не может, с завтрашнего дня для всех производственных цехов – оплачиваемый дополнительный отпуск. До тех пор, пока мы не сформируем новые штаты этого цеха.

Народ несколько мгновений переваривал ее слова, а затем взорвался возмущенными воплями:

– За что?!!

– Произвол!!

– Мы будем жаловаться… прокурору! И в Москву!

– Чего она из себя корчит?

– Да мы забастовку!..

– Да весь завод поднимется!!

Директорша несколько минут молча слушала этот возмущенный вой, затем вскинула руку. Все замолчали.

– Господа, я слышала тут призывы к забастовке. Что ж, согласно международной конвенции о труде – это ваше права. Но должна вас предупредить, что, если хотя бы один человек на всем заводе присоединится к вашей забастовке, я отдам приказ немедленно остановить производство и мы покинем город.

Крики оборвались. Все понимали, ЧТО означает это заявление. А директорша покачала головой и тихо произнесла:

– Вы, как я вижу, не поняли, что в том, о чем я говорила тогда на митинге, не было ни слова преувеличения. У других есть шанс научиться на вашей ошибке. Если они откажутся от этого шанса, то никто – ни я, ни Император, ни Господь Бог не дадут им второго. – Она круто повернулась и, звонко стуча каблучками, покинула цех.

2

Сегодня решили оттянуться по полной. Денег не было (ну не считать же деньгами ту мелочь, которую предки, как обычно, дали Баблу, ее только и хватило, что на пузырь и пять бутылок пива), так что оттягиваться решили в отруб. Сначала была идея прошвырнуться по скверам у ВВЦ (который все по-прежнему звали, как в старые времена, ВДНХ), но после девяти там было не так-то много народу, зато довольно много собачников. А собачники народ сплоченный, друг друга знают, так что если и прижмешь какую-нибудь фифу с болонкой, тут же откуда ни возьмись налетят придурки с овчарками и боксерами

и сломают весь кайф. Так что после обсуждения было решено ехать в центр, на Бульварное кольцо.

Из метро выбрались на Китай-городе. Гроб еще на эскалаторе отмочил свою фирменную примочку: зубами сорвал крышку с бутылки пива, сделал большой глоток и рыгнул прямо в нос симпатичной соседке по эскалатору. Та испуганно отшатнулась, и все легли. Вечерок обещал быть классным…

Бутылку «Гжелки» уговорили тут же, сразу за павильоном, а затем двинулись по бульвару, отмякая пивком и слушая разглагольствования Бабла по поводу чурок, черных, евреев и другой мрази, от которой русскому человеку житья не стало. Все, что Бабл нес, было давно знакомо и понятно, и все готовы были, долго не рассусоливая, показать всем этим чуркам направление, в котором им следует из России убираться, да еще хорошенько пнуть под зад для скорости, но Бабл как-никак сегодня опять раскошелился на водку и пиво, так что пусть его говорит. Тем более что пока никакого интересного объекта (в смысле приложения кулаков) на горизонте видно не было. Наконец Гробу надоели Бабловы разглагольствования, и он прервал их затрещиной и сиплым рыком:

– Заткнись.

Все оттянулись слегка назад, поскольку Гроб, коли начал массировать кулаки, то быстро уже не остановится. Так что если в самое ближайшее время на горизонте не появится какой-нибудь нацмен, отвечать за плохое настроение Гроба придется Баблу. Бабл все это знал и сам, поэтому закрутил головой и истошно завопил:

– Смотри, Гроб, желтожопый!

Гроб, уже занесший свой лапоть пятьдесят последнего размера, чтобы отвесить Баблу здоровенного пендаля, замер и медленно повернул голову. Все уставились в ту же сторону. Бабл был прав. Впереди по аллее неспешно прогуливалась парочка – высокая, длинноногая, белокурая девчонка в мини-юбочке и рядом с ней щуплый парень, возраст которого из-за явно восточного происхождения определить было затруднительно. Гроб обрадованно взвыл – такое сочетание было как раз по его вкусу (впрочем, больше он любил, когда попадались белые бабы с неграми) – и рванул вперед. Стая с улюлюканьем помчалась следом за ним. Не отреагировать на такой топот преследуемые не могли. Девушка

обернулась, заметила летящих на них парней и судорожно вцепилась в руку своего низкорослого кавалера. Тот остановился и как-то подчеркнуто неторопливо обернулся. Гроб занес кулак, чтобы с налета звезданут этому желтожопому по его наглому хайлу, но… неожиданно промазал. Мчавшийся сразу за Гробом Баклан попытался исправить эту промашку, наддав желтому уроду пендаля, но его щегольской берц тоже пролетел мимо, отчего Баклан едва не навернулся. Тут налетели и все остальные. Сразу бить они не стали, а просто окружили жертвы плотным кольцом. Право первого удара как всегда принадлежало лидерам или тем, кому они дозволят, а их промахи со стороны выглядели как нелепая, но совершенно ничего не значащая случайность. Впрочем, во всей сцене была еще одна непонятка – девушка-то отреагировала совершенно привычно, испуганно сверкая глазенками и вцепившись в своего кавалера, а вот сам желтожопый (наверное, китаец или кореец) отчего-то являл собой образец абсолютного и даже, можно сказать, демонстративного спокойствия.

Тут вперед вывернулся Бабл (он всегда лез вперед, если надо было потрепать языком, но, когда нужно было поработать кулаками, отчего-то всегда оказывался сзади).

– Ну ты, желтожопый, ты чего это с нашими бабами гуляешь?

Все замерли, как будто от ответа этого желтожопого что-то зависело, но тот все так же спокойно и как-то мягко и добродушно улыбнулся. Этого Гроб, вновь протолкавшийся в первые ряды, уже выдержать не мог. Он взревел и со всего маха засветил этому уроду по морде… вернее, попытался. Что сделал этот желтожопый, никто не заметил, но только вдруг раздался какой-то странный сухой треск, и Гроб, отчаянно визжа, рухнул на землю. Стая ошалела. Гроб лежал на земле и выл, а его левая голень была вывернута из сустава и торчала под невероятным углом.

– Вам нравится делать больно (голос по-прежнему был совершенно спокоен)? Вот как…

Желтожопый… (о черт, всем как-то сразу расхотелось называть его так даже в мыслях) шагнул вперед и наступил на вывернутую ногу Гроба, тот снова завизжал, да так, что тучи ворон, оккупировавших верхушки деревьев, со страшным гамом взметнулись в воздух. А жел… парень или, вернее, мужчина (когда они разглядели его вот так, вплотную, всем стало ясно, что, принимая его

за студента, они несколько обманулись с возрастом) слегка пошевелил ногой, отчего Гроб вновь взвыл на два тона выше и на пяток децибел громче. Несколько мгновений кореец поигрывал ступней, как бы регулируя громкость воплей, а затем убрал ногу. За редким частоколом деревьев все так же пролетали машины, над головами носились суматошные вороны, но всем показалось, что в скверике наступила оглушительная тишина. Мужчина обвел всех каким-то спокойно-равнодушным взглядом, а затем так же негромко проговорил:

– А если больно будет вам? – Он вновь поставил ногу на сломанную конечность Гроба, да еще и перенес на нее вес своего тела. На этот раз вой Гроба почти перешел в ультразвуковую область…

– Как это сладко – видеть страх в глазах других. – Голос звучал негромко и даже, пожалуй, немного печально… – Вот только что они шли навстречу, такие чистенькие, независимые, или наоборот, испуганно отводящие взгляд и страстно желающие, чтобы Господь пронес… а сейчас валяются перед вами в пыли. Они могут быть умнее вас, богаче, образованнее, талантливее, но это уже ничего не значит. Потому что в этот момент они – дерьмо, а вы – боги. Не так ли? – Кореец (китаец?) замолчал и вновь воткнул в них испытующий взгляд. Но все стояли словно в оцепенении, потупив глаза в землю. Гроб уже не мог визжать, а только хрипел, мелко дрожа красным лицом, покрытым бисеринками пота. Но азиат никак на это не реагировал. И это было самое страшное… Парни в стае все как один были крепкими (ну, может быть, кроме Бабла) и не раз ходили стенка на стенку, так что боли никто из них не боялся. Если ты любишь бить – будь готов, что однажды отметелят и тебя самого. Никто не мог стать полноправным членом стаи, не пройдя через «посвящение», когда стая испытывает тебя на прочность. Да и этот кореец, какой бы он там ни был мастер кунфу или еще чего там такого, ни за что бы не устоял против полутора десятков крепких парней… Так что это охватившее всех оцепенение могло кому-то показаться несколько странным. Если не брать в расчет вот это неестественное спокойствие… Человек – суть коллоидный раствор. Для того чтобы совершить то или иное продолжительное действие, ему требуется изменить свою химическую структуру, существенно повысить концентрацию того или иного химического вещества в своей крови. Например, в преддверии драки мозг дает команду на резкое повышение в крови концентрации адреналина и некоторых других гормонов. Кровь тут же разносит эту адскую смесь по всем клеткам, и это резко повышает энергоотдачу мышц, увеличивает скорость реакции, выносливость, повышает болевой порог, и все для того, чтобы человек мог выдержать напряжение и боль схватки, выдать пик своих возможностей, устоять и выжить. Но… этого мало! Самая совершенная

гоночная машина, самый эффективный боевой самолет – ничто без великолепного пилота. Поэтому та же кровь, донося этот задуманный природой коктейль до мозга, заставляет мозг возбуждаться, что приводит человеческую психику в неустойчивое, пограничное состояние, убирая запреты и заслоны, выработанные цивилизацией, гражданскими законами, моральными нормами, и оставляя только то, что помогает выжить…

Не раз матери вполне воспитанных и обеспеченных детишек, узнав о том, ЧТО натворили их любимые чада, потерянно восклицали: «О, боже, как он мог?! Он всегда был таким воспитанным, таким послушным…». То есть он всегда внешне соблюдал общепринятые моральные нормы. Но именно внешне. Скорее всего так, как их соблюдали его родители, которые учили его: «Будь умнее, будь хитрее», которые дома «при своих» ядовито обсуждали тупость начальников, неудачливость родственников, провинциальность соседей и назойливость «друзей семьи», а на людях демонстрировали нарочитую доброжелательность, обменивались слюнявыми поцелуями, сюсюкали и манерно поддакивали. И потому первая же более-менее сильная гормональная волна вымывала из мозгов этих послушных мальчиков все моральные запреты, которые достаточно было только демонстрировать…

Так что и терпеть, и причинять боль человек лучше всего умеет именно в состоянии гормонального взрыва. Но в глазах этого не было никаких признаков такого гормонального взрыва. Он был спокоен. И это пугало больше всего. Этот страх был подспудным, неосознанным. Все инстинктивно понимали, что если этот кореец вот в таком своем обычном спокойном состоянии может так причинять боль, то на что же он способен, если рассвирепеет?

– Запомните, сопляки, – убивать можно. И превращать людей в хнычущих от животного страха уродов – тоже. Можно убить любого: мужчину, женщину, ребенка, старика, но только если ты сам готов разменяться баш на баш, да еще и взять за это убийство достойную плату – спасение друга, ребенка, матери, города, победу в сражении, выигранную войну, спасенный мир. Иначе смерть или унижение других сродни блевотине, которая марает тебя самого. А какую плату хотите вы? И чем готовы заплатить сами? – Он снова обвел их своим неестественно равнодушным взглядом и, убрав ступню с вывернутой ноги Гроба, подчеркнуто неторопливо подхватил свою девушку под локоток и степенным прогулочным шагом двинулся в том же направлении, в котором они шли в тот момент, когда их нагнала стая.

Когда парочка отошла шагов на пятьдесят, первым опомнился Баклан. Он издал какой-то горловой звук, затем взревел:

– Пацаны, вы че, они ж уйдут! Айдате!

Но в ответ на его возглас остальные лишь втянули головы в плечи. Только Бабл (вот балаболка, не может не подложить язык) глухо проворчал:

– Ага, щас! Он Гробу ногу сломал – никто и не заметил как. Да и вообще… у него глаза убийцы.

А из задних рядов кто-то глухо пробормотал:

– Надо это… Гробу «скорую» вызвать.

И в этот момент все поняли, что стая умерла…

Когда толпа ошарашенных юнцов осталась за поворотом бульвара, Таня выпустила рукав своего кавалера и резко отшатнулась, как будто этот рукав жег ей пальцы. Ким остановился и повернулся к своей спутнице. Пару мгновений они молча смотрели друг на друга, она – испуганно, а он все так же спокойно, а затем Таня опустила взгляд и зябко обхватила плечи руками. Губы Кима дрогнули в едва заметной усмешке, но, когда он заговорил, его голос звучал отнюдь не иронично, а заботливо:

– Вы испугались, Таня?

Девушка кивнула.

– Да… – сказала она и зябко передернула плечами. – Никогда не думала, что средь бела дня в центре Москвы можно наткнуться на такое.

– На такое можно наткнуться и в центре Лондона, и в центре Нью-Йорка. Весь вопрос в том, насколько ты к этому готов. – С этими словами Ким снова двинулся вперед. Девушка последовала за ним. Некоторое время они молча шли по бульвару. Таня посмотрела на спутника:

– А насколько вы к этому готовы?

Ким чуть оттопырил нижнюю губу, отчего его узкие глаза стали как будто еще уже, и неторопливо ответил:

– Я – офицер, Таня, и мне хотелось бы думать, что я готов к этому достаточно хорошо.

– К чему? Убивать?

Ким кивнул:

– И это тоже. Но понимаете, какая штука. Ни один из тех, кого принято относить к нормальным людям, не может быть в достаточной мере готовым убивать, если он при этом не готов к тому, что в процессе этого действа может умереть сам. Каждый из нас, тех, кому доверена честь владеть оружием, принимая присягу, априори принимает на себя обязанность умереть гораздо раньше, чем ему предписано природой. Потребуется это от него или нет – другой вопрос. И вот эта готовность умереть как раз и делает нас сильными. А все остальное – муть. И эти ребятки как раз и почувствовали во мне вот эту готовность не только убивать, но делать это, не очень-то зацикливаясь на собственном выживании. И хотя они не трусы, их это… испугало.

Они помолчали еще пару минут, потом Таня глухо произнесла:

– Знаете, на четвертом курсе я сильно интересовалась патологиями поведения, но то, что я буду вот так идти по Москве рядом с готовым убийцей…

– Это не так, Таня, – мягко произнес ее спутник. – Я и убийцы – это две большие разницы. И дело совершенно не в том, что я готов убивать по приказу или по велению долга. Все это тавтология. Лишение человека жизни есть акт убийства, и господу богу абсолютно наплевать, идет ли в тот момент война или нет, и был ли умерщвленный мужчиной или ребенком, и одет ли он был в униформу противоборствующей армии или носил джинсы и футболку. Дело в том, что убийства в большинстве своем совершенно бессмысленны. И совершают их люди, абсолютно не готовые к этому бремени. Я же, так сказать, убийца тренированный, обученный… в том числе и психологически. И, поскольку я достаточно хорошо представляю себе, какое это бремя – чужая смерть, я убиваю

только тогда, когда это необходимо сделать.

– А я никакой разницы не вижу. Что значит необходимо убить? Любой человек – это целый мир со своими маленькими тайнами, мечтами, воспоминаниями… Не говоря уж о том, что у каждого из людей есть родители, братья, сестры, любимые, наконец… И лишить его жизни – это наказать десятки других, совершенно невинных. Разве это справедливо? Я вообще считаю, что оружие надо запретить. И войну тоже. Любые вопросы можно научиться решать мирным путем. Вон посмотрите, что творится на Ближнем Востоке. И у евреев, и у палестинцев своя правда. И каждый считал, что сумеет добиться своего силой оружия. И что? Все равно пришлось договариваться. А если бы с этого начали?

– Ну, положим, результат есть. Все-таки, несмотря на столь дикие нравы, царящие там, государство Израиль продолжает существовать. А оружие… – Ким усмехнулся. – Если почитать милицейскую статистику, то окажется, что самый смертоносный предмет, придуманный человечеством за всю его тысячелетнюю историю, – это кухонный нож. Что же касается ценности каждого человека, то все эти рассуждения, конечно, интересны и, более того, необходимы, но, как мне представляется, только в качестве эталона, с которым нелишне сверять свои поступки, чтобы затем, с радостью или огорчением, определить, насколько ты сегодня приблизился к этому эталону или отдалился от него… А хотите тест?

– Какой?

– Исторический. На человеколюбие.

Таня бросила на спутника заинтересованный взгляд.

– То есть?

– А вот слушайте. Время – 17-й год правления Тиберия, 25-й день мартовских ид. Вы – прокуратор Иудеи. Вам дано право не отправлять на казнь одного из приговоренных. Толпа только что выкрикнула имя разбойника Варравы, второй из приговоренных вам известен. Ваше решение?

Татьяна остановилась, изумленно глядя на Кима:

– Ну, знаете… от вас я такого не ожидала.

– Чего такого?

Таня нервно рассмеялась:

– Мне казалось, что военные не очень-то интересуются Библией.

Ким пожал плечами:

– У меня все-таки университетское образование. Так каково ваше решение?

– Вы его прекрасно знаете. Конечно, я отпущу Иисуса.

Ким усмехнулся:

– То есть вы своим решением убьете Варраву? Человека, которому хочет подарить жизнь многотысячная толпа внизу?

Таня нахмурилась:

– Ну-у… нет, я, наверное, прикажу пощадить обоих.

– Невозможно. Тысячи людей собрались посмотреть на казнь. Если лишить их этого зрелища, начнутся беспорядки и в этом случае погибнут сотни, возможно, даже тысячи тех, кто, в отличие от того же Варравы, разбойника, грабителя и убийцы, не совершил ничего плохого и у кого, как вы говорили, есть родители, братья, сестры, любимые, наконец…

– Тогда я попытаюсь убедить людей…

– Вот так сразу, на месте, причем тех, кто собрался, как раз чтобы насладиться казнью? В таком случае вы, должно быть, способны легко убедить и тех, кто встретился нам полчаса назад, и мое геройство, значит, было совершенно не нужно…

Глаза Тани сердито сверкнули.

– Но если я прокуратор Иудеи, то у меня есть римский легион и я могу…

Ким кивнул:

– Что и требовалось доказать.

– Что… доказать?

– Легион – это те же самые тренированные убийцы, что и ваш покорный слуга. Так что даже самые благие дела иногда требуют использования не слишком приятного для тебя инструмента. И если его нет… Кстати, мы пришли.

Они остановились. Таня покачала головой:

– Да уж, интересная у меня прогулочка сегодня случилась…

Ким улыбнулся:

– А разве не так? Спокойной ее назвать, конечно, трудно, но вот неинтересной уж точно не назовешь. Ну да ладно, спасибо за экскурсию, а мне еще надо заскочить в управление кадров. Так что передавайте привет папе, и… я думаю, не стоит нагружать его излишними подробностями нашей сегодняшней прогулки. В конце концов, все окончилось благополучно.

– Для нас – да, а вот тому парню придется походить в гипсе. Кстати, ВАС я сначала испугалась не меньше, чем их. Вы были какой-то… безжалостный.

Ким развел руками:

– Ну извините. Ситуация требовала. Не мог же я одновременно казаться безжалостным им и добрым и приятным – вам. А так все закончилось достаточно благополучно, ни одного трупа и всего лишь одна сломанная нога. К тому же не у нас. Так что на этот раз обошлись минимумом потерь с обеих сторон. В отличие от обычных, тренированные убийцы, как правило, стараются ограничиваться минимумом потерь.

– А что, бывало иначе?

Но сослуживец ее отца майор Ким, который вчера остановился у них проездом к новому месту службы и которого она сегодня повела посмотреть памятник Булгакову у Патриарших, только улыбнулся в ответ.

3

– Ку-у-урс! К торжественному маршу!

По этой команде командиры, четко печатая шаг, вышли из строя и заняли свое место во главе вверенных им подразделений.

– Поротно! На одного линейного дистанции!

С правого фланга, дробно топоча каблуками по древней брусчатке, двинулись линейные.

– Равнение направо! – Начальник курса набрал в легкие побольше воздуха и надсадно рявкнул: – Шаго-ом марш!

От тяжкого удара почти пяти сотен кованых каблуков в воздух взвились тучи местных галок и ворон, оккупировавших деревья близлежащих дворов и бульваров. Но тут оркестр грянул марш, мгновенно заглушив птичий гомон. Первый выпуск сержантского факультета Его Величества Московского высшего военного командного института двинулся по брусчатке во главе войск Московского гарнизона. Его Величество, стоявший на легкой переносной трибуне, устроенной метров на пятьдесят ближе к Спасским воротам, чем когда-то был мавзолей, удовлетворенно кивнул и повернулся к министру обороны.

– Ну как вам ваши орлы?

Тот кивнул, довольно улыбнулся и, наклонившись к уху Его Величества, зашептал:

– А знаете, я не очень-то верил, что нам это удастся. Убедить несколько тысяч уже отслуживших молодых людей вновь вернуться в казарму еще на пять лет… тем более в нашу армию…

Его Величество усмехнулся. В министре обороны сразу чувствовался гражданский. Ну какой генерал мог бы себе позволить так говорить об армии…

– Они возвращаются в нашу армию именно для того, чтобы она вновь стала полностью нашей. Причем не только для тех, кто носит погоны, а для всего общества. А то ведь, несмотря на все потуги вашего министерства, для существенной части общества она остается пока чем-то вроде пугала. Я очень надеюсь, что большинство молодых людей, которые маршируют сейчас перед нами по этой древней брусчатке или проходят в этот момент торжественным маршем по центральным площадям других городов, понимают это и готовы выполнить свою задачу.

Министр обороны понимающе кивнул. В этот день еще в семнадцати военных институтах различных родов войск по всей стране состоялся выпуск сержантских факультетов…

Идея дать армии профессионального сержанта витала в воздухе уже давно. В случае ее более или менее успешного воплощения в жизнь удалось бы разом решить множество проблем. Во-первых, практически сразу же решался вопрос с дедовщиной, ибо при появлении в каждой ротной казарме полутора-двух десятков сержантов-профессионалов все остальные «деды» мгновенно переходили в разряд «салаг». Во-вторых, сразу же возрастал уровень как индивидуальной подготовки каждого солдата, так и боевой слаженности и боеспособности подразделений уровня отделение-рота, которые, как показал опыт боевых действий последних десятилетий, все чаще и чаще становились базовыми боевыми единицами, ибо уровень боевых столкновений редко когда достигал масштабов, требующих задействования хотя бы батальона, а уж о полках и дивизиях речи вообще практически не шло. Командиры такого ранга теперь, как правило, выступали в качестве миротворцев. Воевать им уже, по существу, не приходилось. Кроме этого было еще много в-третьих, в-четвертых и так далее, но, как только руководство страны взяло курс на переход армии на профессиональную основу, интерес к профессионализации сержантского состава как-то резко упал. На взгляд обывателя, это было естественно – к чему уделять столько внимания какой-то отдельной категории, если вскоре

профессионалами станут ВСЕ военные? Но те, кто занимался этой проблемой вплотную, начали стучаться во все двери, доказывая, что в профессиональной армии сержант, наоборот, должен быть профессионалом как никто другой, иначе он не будет иметь никакого авторитета вообще и мы получим гораздо больше проблем, чем имеем сейчас, и дедовщина, еще более чудовищная, будет едва ли не самой легкой из них. Несколько лет их слушали, соглашались, но ничего существенного не происходило.

И вдруг, после коронации Его Величества, все изменилось как по волшебству. Причем для профессионализации сержантского состава был выбран сразу самый радикальный вариант. Просто во всех военных институтах, в каковые теперь превратились все высшие военные училища, были сформированы так называемые сержантские факультеты. Ходили слухи, что это решение принял сам Император (он якобы сказал: «Учить всех командиров в моей армии должны одни и те же люди. Чтобы любой лейтенант, впоследствии ставший генералом, мог быть уверен, что отданный им приказ всегда будет правильно понят и выполнен, ибо солдатами командуют люди, прошедшие одну с ним школу»), но, как бы там ни было, сержантские факультеты были сформированы достаточно быстро. Срок обучения на них был определен в один год, и выпуск назначен на восьмое сентября, день Куликовской битвы…

В этот момент начальник курса, майор Сергей Крашенинников, выпускник-8 военного факультета Терранского университета, поравнялся с правым краем трибуны и отточенным движением руки вскинул парадную шашку, вновь введенную для всего офицерского состава как часть парадной формы. По этой команде пять сотен молодых глоток надсадно рявкнули:

– И-и-и-и-раз! – и одновременно вздернули подбородки вправо вверх, скрестив взгляды на своем Императоре, стоящем на трибуне.

Его Величество в ответ тоже приподнял подбородок и стремительным жестом вскинул ладонь к обрезу фуражки. Стоящие рядом с ним генералы тоже вытянулись и взяли под козырек, а министр обороны растерянно замялся, понимая, что ему, человеку сугубо гражданскому и одетому не в мундир, а в элегантную и дорогую английскую тройку и шляпу, как-то не к лицу вздергивать руку к полям шляпы и… не зная, куда ее девать.

Спустя час парад закончился. Его Величество спустился с трибуны, но не проследовал сразу к Спасским воротам, а повернул к Казанскому собору и,

поднявшись на парапет, окинул взглядом Красную площадь, которая уже начала потихоньку заполняться народом. За последние два года ее вид немного изменился. Она больше ничем не напоминала погост. Он был ликвидирован буквально за одну ночь. Вечером шестого ноября позапрошлого года Его Величество выступил на приеме по случаю Дня Согласия и Примирения с короткой речью, в которой намекнул, что пребывание рядом с официальной резиденцией нынешнего Императора почитаемой усыпальницы человека, который казнил императора прежнего, выглядит несколько странновато. Да и вообще устройство на центральной площади столицы, в самом сердце страны, обширного кладбища несколько отдает некрофилией. Присутствовавшее на приеме руководство коммунистической партии суетливо зашевелилось, начало хвататься за мобильники, но поле подавления уже было включено, а постовые на выходе получили подробные инструкции, поэтому все шесть часов, пока длился прием, видные коммунисты чувствовали себя не в своей тарелке. А когда прием кончился, Ярославичев пригласил их поучаствовать в одном мероприятии.

Оказалось, что за то время, пока главные коммунисты были на приеме, специальные команды извлекли из мавзолея тело Ленина, останки всех похороненных вдоль Кремлевской стены и урны с прахом из самой стены. И на Красной площади выстроилась целая колонна из пушечных лафетов, на которые были помещены останки знаменитых военачальников советского времени, и парадных катафалков с останками иных покойников по главе с самим Владимиром Ильичем. Впереди и позади колонны стояло несколько единиц боевой техники в парадной раскраске, три военных оркестра, два батальона Преображенского и Семеновского полков в полной парадной форме и рота почетного караула. Так что к моменту появления Императора и руководства коммунистической партии для крайне торжественной церемонии перезахоронения все было готово. Вот только начало ее было назначено на три часа ночи, а окончание планировалось не позже восьми утра. Так на окраине Москвы появилось кладбище, названное в народе Красным…

– Пора возвращаться в Кремль, Ваше Величество.

Офицер для особых поручений полковник Казаков наклонился к уху Его Величества и добавил:

– Площадь уже заполнилась людьми, Ваше Величество. Мы создаем проблемы и им, и вашей Службе охраны.

Его Величество выпрямился:

– Ну что ж, Миша, пойдем…

И они двинулись пешочком в сторону Спасских ворот. Многих шокировала эта привычка Его Величества ходить пешком по Кремлю и округе, но он знал, что это хорошо работает на его образ в глазах простого народа, да и вообще любил пешие прогулки. Казаков топал чуть позади, возвышаясь своей могучей фигурой над его правым плечом, и больше никого рядом не было.

Уже пройдя через ворота, Его Величество приостановился и, посмотрев на своего порученца, сказал:

– Ну что, Миша, ты по-прежнему считаешь, что сержантские факультеты – это лишняя трата денег?

Этот спор начался ровно два года назад, когда Его Величество отдал приказ начать формирование сержантских факультетов при военных институтах, и продолжался с перерывами до сегодняшнего дня. Казаков пожал плечами:

– Да нет, с факультетами все как раз получилось более-менее. Я не понимаю другого. Почему вы решили отказаться от идеи полностью профессиональной армии?

Ярославичев рассмеялся:

– А-а, так ты это понял? И что же тебя смущает?

– Ну, не знаю. По-моему, преимущества профессиональной армии перед той, что формируется призывом, давно озвучены и уже не нуждаются ни в каких дополнительных доказательствах.

– Ты не прав, Миша. – Его Величество легко качнул головой. – Дело в том, что ты по-прежнему воспринимаешь армию всего лишь как некий институт, предназначенный для силового обеспечения государственной политики. То есть как чисто военную силу. В этом случае нам действительно нужна чисто профессиональная армия. Причем лучше всего будет сформировать ее по типу

французского Иностранного легиона – из лиц, стремящихся избежать налогового или уголовного преследования, лиц без гражданства и иных, желающих начать жизнь заново. Для чего имеет смысл ввести для них правило «чистого листа», то есть по окончании службы выправлять им документы на новое, ими самими выбранное имя, выплачивать достаточную компенсацию и т. п. Во всяком случае, это позволит обеспечить необходимый уровень подготовки и более свободно относиться к возможным потерям. И я тебе обещаю, что такое соединение в нашей армии будет. Как и те, что будут сформированы на чисто профессиональной основе. Но дело в том, что для меня армия еще и нечто другое… – Его Величество некоторое время молчал, бросая задумчивые взгляды на золотые луковки патриарших палат, потом снова повернулся к выжидательно смотревшему на него Казакову:

– Понимаешь, Миша, армия – это еще и очень ценный инструмент формирования государства. И я вовсе не имею в виду ее силу… Вот, скажем, такой вопрос: как ты считаешь, мнение какой группы населения нашего государства, какой бы вопрос ни взять, является определяющим?

Казаков задумался.

– Политические элиты? – Он тряхнул головой, отметая эту мысль. – Журналисты?.. Тоже нет… Нет, не знаю, как-то не задумывался над этим.

Его Величество усмехнулся:

– Ответ прост до банальности – мужчины.

– Мужчины?

– Ну конечно. Дело в том, что большинство женщин просто не дают себе труда задумываться над глобальными вопросами, у них и без того много забот. Да и голова женской половины нашего общества функционирует несколько по-другому. Вспомни, большинство женщин, даже уже подойдя к избирательным урнам, теребят мужей с вопросом – за кого будем голосовать, милый? Да и вся система большой политики в любой стране мира устроена так, что ориентируется именно на мужской тип мышления. Даже в феминистски настроенной Америке мнение женщин оказывается решающим, лишь когда мнения мужчин разделились. Что уж говорить о нас. Так что, как это ни обидно

было бы слышать наиболее активным представительницам прекрасного пола, ратующим за безграничное равноправие, ПОКА мнение мужчин является определяющим.

Казаков понимающе кивнул:

– Значит, вы воспринимаете армию больше как инструмент…

– Вот именно. Армия – незаменимый инструмент государственного воспитания, сплочения нации. Подумай, через армию, сформированную на основе призыва, проходит примерно половина всего населения страны. Причем именно определяющая половина. И я хочу, чтобы в сердце каждого мужчины на всю жизнь осталась картина развернутого строя его полка, полощущийся на ветру шелк боевого знамени в обрамлении обнаженных клинков ассистентов… – Он усмехнулся. – Я уж не говорю о том, что служба в армии – это еще и отличный психологический тренинг. В Японии, например, до сих пор действуют, и вполне процветают, курсы для менеджеров высшего и среднего звена. Слушателей этих курсов, солидных людей, заставляют мочиться на перекрестках при диком скоплении людей, подметать тротуары, стоять в подземных переходах, громко декламируя стихи, или выгребать дерьмо из уличных туалетов. И люди, заметь, вполне состоявшиеся и весьма небедные, платят за все это очень большие деньги, считая, что подобная психологическая подготовка позволит им достигнуть в жизни гораздо больших высот. А для того чтобы нести на своих плечах бремя метрополии Великой Империи, нужны психологически очень сильные и устойчивые люди.

– А вы уверены, что при нынешнем качестве офицерского и сержантского состава вам удастся добиться этих целей? По-моему, все предыдущие годы армия, вместо того чтобы воспитывать позитивные чувства по отношению к себе самой и этой стране, занималась совершенно обратным. Во всяком случае, в отношении большинства населения страны.

Его Величество пожал плечами:

– Знаешь, если топор не рубит дерево, а лишь мочалит и отбивает руки, то это не означает, что дерево будет легче срубить перочинным ножиком. Просто надо либо наточить старый топор, либо взять новый. А в случае с наемной армией мы как раз и пытаемся ограничиться перочинным ножиком. Посмотри, к чему

пришли американцы. После Вьетнама, когда они приняли решение перейти на добровольческий принцип комплектования армии, одним из решающих аргументов в пользу такого подхода было следующее: люди, которые сознательно, по своей воле надевают погоны и становятся в строй, психологически намного лучше подготовлены к тому, что военная служба предполагает и определенные лишения, и ранения, и даже смерть. А что получилось? Мой аналитический отдел представил мне результаты исследования, из которого следует, что потеря всего одного процента численности личного состава вооруженных сил в девяти случаях из десяти вызовет немедленный выход США из любого военного конфликта. То есть американская армия попросту сбежит с поля боя. Ну и кому нужна такая армия? А что касается того, что было, что есть и что будет? Да, пока солдаты по-прежнему строят дачи генералам, воруют тушенку со складов и бегут от дедовщины и разгильдяйства, но я собираюсь довести до сведения генералов, какой именно я хочу видеть армию. И сделать так, чтобы они поняли, насколько я серьезен в этом отношении. К тому же у меня есть вы и теперь уже есть профессиональные сержанты. Так что все должно получиться.

4

– Ну что, все уселись?

Водитель автобуса, судя по объемам талии (вкупе с задницей и шеей), – большой любитель пива, колы и гамбургеров, с густой порослью на верхней губе, которая явно служила ему компенсацией за слабое присутствие растительности на голове, поерзал, устраиваясь в водительском кресле, и заключил:

– В таком случае пристегните ремни, ибо автобус «Хьюстон – Вашингтон» отправляется сию минуту. – Издав индейский вопль «Йю-ха!», он топнул по педали газа. Несмотря на столь резкое движение своего капитана, лайнер тронулся плавно и величаво. Сам водитель, может быть, и хотел взять старт так же резко и стремительно, как когда-то его предки бросали вперед своих полудиких мустангов, но скрытая в недрах трансмиссии настоящая американская автоматическая коробка передач выполнила свою миссию, не позволив ничем потревожить граждан самой могущественной державы мира. Клайд замер, сраженный пришедшей на ум аллегорией. Похоже, автоматическая

коробка передач выполняла в этом автобусе функцию правительства – преобразовывала энергию мотора в движение, сглаживая рывки и толчки, неизбежно возникающие в столь сложной системе, и позволяя автобусу двигаться дальше. Так и правительство США – оно тоже преобразовывало энергию американской экономики в развитие американской нации. Впрочем, на правительстве и Президенте висела еще функция подвески, тормозов и еще черт-те чего (хотя функцию тормозов, положим, лучше всего выполнял Конгресс).

Клайд усмехнулся и, откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза.

Он прилетел домой три дня назад, на похороны матери. Его особо никто не ждал, Клайд был старшим и покинул семью в семнадцать лет, первым из детей, но у сестры и ее муженька все-таки хватило здравого смысла (или чего там еще), чтобы отправить ему телеграмму. Позвонить они не удосужились. Впрочем, может быть, телеграмму отправила тетя Памела (судя по письмам, мать с ней была очень дружна последние годы), но, как бы там ни было, он успел-таки на похороны последней из тех, для кого он был по-настоящему дорог. И это несомненно было удачей. Поскольку, когда умер отец, Клайд безвылазно торчал на Субик-бей в связи с вьетнамо-китайским обострением, а о похоронах брата ему вообще не сообщили. Он узнал о смерти брата только из письма матери (она любила писать письма, говорила, что так она ничего не забывает, а когда звонит, то слишком волнуется и начинает путаться). Назвать же близким человеком сестру у него не поворачивался язык. Впрочем, в этом была и толика его вины. До определенного момента он был для сестры самым главным (позже и единственным) авторитетом, и его уход подтолкнул ее к тому, чтобы окончательно отринуть советы родителей и пуститься во все тяжкие. И то, что она связалась в конце концов с таким уродом, как Бун, было совершенно закономерным. Жизнь (скорее «срок») с этой тупой скотиной стала для нее вполне заслуженной карой. Жаль только, что это омрачило последние годы матери…

Автобус качнуло, Клайд открыл глаза. Сосед слева, по виду типичный фермерский сынок откуда-то из глубинки (джинсы, ковбойские сапоги, шляпа, загорелая рожа и простоватое выражение лица), отвернулся от окна и уставился на Клайда.

– Привет, я – Джон Коллингсвуд из Мачо-Гранде. Это не тот Мачо-Гранде, что на севере, и не тот, что в Айдахо. Наш – городок небольшой, но там тоже живут

люди. Я еду в Даллас, собираюсь послужить стране. Мой отец отслужил на флоте, оба моих дяди тоже служили, и старший брат. Только Джош не служил, но у него с детства здоровье не очень. Вот дядя ему и не разрешил. Так что я еду в Даллас. Я тоже хочу во флот или даже в морскую пехоту. – Парень на мгновение прервал свои обстоятельные объяснения и наморщил лоб. – Как ты думаешь, меня возьмут в морскую пехоту? Я сильный, отец говорит, я такой же сильный, как мой прадед Колхаун Коллингсвуд, а он в ту войну был капралом в морской пехоте. – Парень опять замолчал, выжидающе глядя на Клайда, и тот понял, что от ответа не увильнуть. Перспектива на протяжении нескольких часов выслушивать разглагольствования этого деревенского увальня была не из приятных, но парень ехал служить своей стране, и хотя бы ради этого его стоило потерпеть.

– Думаю, вполне.

Парень просиял:

– Вот и отец так думает. – Он откинулся на спинку с довольным видом. – А ты куда едешь?

– Я? Мне до конца. – Клайд скорчил извиняющуюся мину. – Прости, я ночь не спал и мне надо немного отдохнуть. – Он прислонился щекой к подголовнику и смежил веки.

Конечно, ему следовало возвращаться самолетом, но вчера вечером он очередной раз вдрызг разругался с сестрой и ушел из родительского дома, странно чужого, переполненного какими-то посторонними людьми, как был, в джинсах и кроссовках, наскоро покидав в чемодан и костюм, и ботинки, и сорочки. Добравшись до Хьюстона, он немного остыл и стал прикидывать, что делать дальше. На службе его ждали только в понедельник, костюм в чемодане наверняка помялся, снимать гостиницу в Хьюстоне не очень хотелось, так что, выбравшись из своего автобуса, Клайд под воздействием какого-то внутреннего порыва там же, в терминале, купил билет на рейсовый «Хьюстон – Вашингтон» и отправился в «Макдоналдс» перекантоваться час-полтора до его отхода. В «Макдоналдсе» он тоже не бывал уже черт знает сколько времени. Шеф был большим гурманом и за восемь лет, которые Клайд проработал его личным секретарем, успел привить ему вкус и любовь к хорошей кухне. А на тот случай, если не будет времени, чтобы добраться до какого-нибудь приличного ресторанчика, в Департаменте имелась очень неплохая столовая (ну еще бы ей

быть плохой при таких-то пристрастиях Госсекретаря). Так что, переступив порог, Клайд мгновенно окунулся в далекие воспоминания. Двадцать лет назад он, еще совсем молодой и сопливый, вот так же торчал в этом «Макдоналдсе», ожидая автобуса на Массачусетс. Он тогда собирался поступать в Массачусетский технологический, наивно полагая, что в этом институте ждут не дождутся Клайда Смитсона из Рок-Баллока, штат Техас. В Массачусетс он тогда так и не попал, на счастье или на беду – об этом он гадал до сих пор. В конце концов после Массачусетса он вряд ли сумел бы в тридцать пять стать помощником Государственного секретаря США, но жизнь у него наверняка была бы намного спокойнее. И Эйприл вполне могла бы остаться с ним… Впрочем, если бы он поступил в Массачусетский технологический, вряд ли ему выпал бы шанс встретиться с Эйприл.

– А может, мне попроситься в морскую авиацию?

Клайд тихонько вздохнул. Нет, пожалуй, надо было все-таки лететь самолетом.

– А что? Пилотом меня, конечно, не возьмут, но стрелком, скажем, или радистом… Мой дед по матери был стрелком на Б-52. Его сбили во Вьетнаме…

Клайд упорно не открывал глаза, и парень вновь умолк, погрузившись в напряженные размышления.

С Эйприл они встретились на одном из приемов в Белом доме. Шеф тогда был одним из заместителей директора ЦРУ, и ему по статусу полагалось там присутствовать. Но он терпеть не мог Шильпера, который был тогда главой администрации этого придурка Джонсона (надо же было заполучить в президенты такого тупицу!), поэтому свой пригласительный частенько спихивал Клайду. Впрочем, Клайду тогда эти походы в Белый дом были в новинку, так что он совсем не возражал. Эйприл оказалась дочерью сенатора Стрентона, влиятельного члена той крепко спаянной команды ястребов, к которой принадлежал и его шеф. Поэтому о том, что они с Эйприл ушли с приема вместе, а домой она появилась только под утро, шеф знал уже в обед. Он вызвал Клайда к себе, окинул его испытующим взглядом и покачал головой.

– Если тебе нужны только приключения – поищи кого-нибудь еще, а если смотришь на дело серьезно, то лучшей партии тебе не найти. Так что решай.

Под таким углом зрения Клайд ситуацию пока еще не рассматривал. Эйприл оказалась очень заводной девчонкой, к тому же в ее хорошенькой головке имелись мозги, а Клайд (в отличие от подавляющего большинства двуногих самцов) терпеть не мог дур, пусть даже и сексапильных. Так что после некоторого размышления он решил, что и второй вариант вполне приемлем. И потому спустя всего два месяца они с Эйприл поженились в маленькой церкви на тридцать шестой авеню (шеф дал ему три дня отпуска, и они решили устроить себе свадебное путешествие в Нью-Йорк).

– Интересно, а где я буду служить – здесь или где-то в Европе? Дома, конечно, лучше, но ведь армия – это шанс посмотреть мир?

Клайд мысленно застонал. Сосед слева снова пришел в возбужденное состояние. Ну что за деревенская манера делиться со всеми подряд своими проблемами и размышлениями. Родной, опомнись, этот мир совершенно не интересует, что ты там себе понапридумывал. Мы все приходим на этот свет для того, чтобы заполнить свои дни нудной механической тягомотиной. И если от того, как он, Клайд, выполнит свою, порой зависят судьбы президентов и целых государств, то это ничуть не делает ее менее нудной. Просто ему посчастливилось залезть на самый верх бюрократической пирамиды самого могущественного государства на планете. Впрочем, посчастливилось ли, это еще вопрос…

Первый год с Эйприл был настоящей сказкой. До встречи с ним она энергично занималась карьерой, но после свадьбы выяснилось, что в ее жизненных установках на первом месте все-таки семья – уютное гнездышко, вкусные обеды и субботние походы по магазинам. В богатой семье, в которой, в отличие от него, выросла Эйприл, царили довольно патриархальные нравы. Клайда, с его типично фермерским воспитанием, это совершенно устраивало. Они купили дом за Потомаком, который Эйприл принялась с энтузиазмом обставлять, и уже стали подумывать о маленьком, но тут шеф возглавил ЦРУ и Клайду пришлось забыть о семейном уюте. За одно только первое полугодие он объездил тринадцать стран на трех континентах.

А потом разразился очередной арабо-израильский кризис, и он почти на пять месяцев осел в Тель-Авиве. Когда он вернулся, разразился первый в их совместной жизни скандал, причем такой, что Эйприл хлопнула дверью и уехала к маме. Потом таких скандалов было много, но он помнил, как в тот первый раз сидел на их роскошной кухне и молча пил простецкий кукурузный виски-горлодер (это он-то, давно научившийся разбираться в тонких оттенках вкуса

самых дорогих и престижных французских и итальянских вин). С того дня их семейная жизнь покатилась под откос. Он немного опасался, что разрыв с Эйприл отразится на его карьере – все-таки ее отец был очень влиятельной шишкой (впрочем, это было самым незначительным из того, чего он боялся), – но, когда Эйприл окончательно пошла вразнос, ему позвонил сам Стрентон-старший и сказал, что понимает его положение и попытается образумить свою дочь. Так что когда они наконец разошлись, поддержка Стрентона не только не исчезла, а только усилилась. Взамен он дал понять, что рассчитывает на то, что Клайд не будет официально подавать на развод. К тому моменту Клайду было уже настолько все равно, что он с облегчением согласился, будучи твердо уверенным, что в новый брак его не затащат даже под дулом револьвера. С того времени прошло уже почти три года, боль немного поутихла, в его жизни появились другие женщины, но пока он ни разу не пожалел об этом своем решении…

– О’кей, леди и джентльмены, мы прибываем в город Даллас. Все, кому это необходимо, могут выметаться из моего автобуса. – С этими словами водитель два раза надавил на клаксон, который явно был неродным и когда-то, в прежней жизни, украшал крышу какого-нибудь крутого дальнобойного «Петербилта», и врубил динамики на полную мощность. Салон заполнился звуками гитары и банджо и ковбойскими взвизгами (водитель явно был поклонником стиля кантри), а пассажиры зашевелились и стали собираться. В Далласе выходило довольно много народу, но и те, кому еще предстоял долгий путь, тоже намеревались покинуть автобус и размять ноги. Сосед слева, на счастье Клайда тоже наконец задремавший и потому переставший доставать его своими дурацкими излияниями, обрадованно стукнул кулаком по подлокотнику (ох уж эти фермерские замашки).

– Ну вот и приехали! – И он прилип носом к стеклу…

Когда Клайд вылез из автобуса, сосед, уже навьюченный мешком и сумкой, подошел к нему и протянул руку.

– Ну, пока, мистер, уж не знаю как вас там, запомните мое имя – Джон Коллингсвуд. Может, увидите где по телевизору. Отец говорит, что их батальон как-то снимали. Во время Гренады. А капралом я точно стану.

Клайд улыбнулся и пожал протянутую руку.

– Что ж, удачи, капрал. Буду рад увидеть тебя на экране.

Он еще немного постоял, провожая взглядом крепкую фигуру, и поднялся в автобус. Хорошо, что в Америке еще есть такие парни…

В Вашингтон автобус прибыл около одиннадцати. Клайд взял такси и добрался до своей квартиры. После того как они с Эйприл… стали жить отдельно, Клайд решил, что дом для него одного слишком велик, и вернул банку кредит. Денег, оставшихся после выплаты кредита, ему хватило на небольшую трехкомнатную квартирку в самом конце Потомак-авеню, в которой он и прожил последние два с половиной года. Не успел он переступить порог, как в сумке зазвонил мобильник. Клайд поморщился, обругал себя за то, что, выйдя из автобуса, включил мобильник, бросил на пол чемодан и извлек из сумки телефон.

– Алло?

– Привет, мой мальчик! – голос шефа звучал возбужденно и весело. – Как дела? Я пытался дозвониться до тебя сегодня утром, но эта милая дама все время отвечала мне, что ты недоступен (Клайд усмехнулся: во всем, что относилось к современным коммуникационным технологиям, его шеф был абсолютным профаном).

– Я отключал телефон. Дремал в автобусе.

– А, так ты уже в городе. Отлично! Ты не мог бы сейчас подъехать ко мне?

– Я только вошел…

– О еде не беспокойся. У меня тут дружеская вечеринка, так что хватит еще на десяток таких, как ты.

Клайд поморщился. От поездки через полстраны он изрядно устал, но не будешь же перечить шефу…

– Хорошо, я только приму душ и переоденусь.

– Отлично. – Шеф бросил трубку.

Спустя сорок минут Клайд вышел из такси у роскошного особняка, расположенного в восточном пригороде. Сегодня у ворот дежурил Боб. Открывая калитку, он вежливо осведомился:

– Уже вернулись, мистер Смитсон? Мистер Рейли ждал вас только послезавтра.

«Так какого черта он мне позвонил?», – сердито подумал Клайд, но вслух ничего не сказал, а только кивнул, натянув на лицо резиновую улыбку.

Шефа Клайд отыскал в западном крыле. Впрочем, это было несложно. В том крыле особняка располагался большой кабинет, так что если у шефа гости (о чем он сообщил в телефонном разговоре), то стол накрыли, конечно, в том кабинете. Войдя, Клайд чуть не присвистнул от удивления (вот черт, за время отпуска опять повылезали наружу привычки «парня с фермы»). Состав приглашенных явно показывал – люди собрались здесь не только и даже не столько для того, чтобы попить виски и обсудить последний бейсбольный матч. Лично Клайд знал не всех, но даже присутствие тех, кого он знал, наводило на мысль, что «дружеская» вечеринка устроена для обсуждения чего-то очень серьезного. И, судя по тому, как весело шеф говорил с ним по телефону, он вполне доволен тем, как прошло (или идет) это обсуждение.

Шефа он отыскал в маленькой каминной. Тот был не один, причем этих троих Клайд не знал. Хотя нет, одного из них он знал прекрасно. Да и кто на Восточном побережье не знает Колина Торинфельда, ведущего девятичасовых новостей? Но это знакомство вряд ли можно было назвать личным.

– А, Клайд, ты вовремя. Успел перекусить?

Клад отрицательно покачал головой. Шеф добродушно усмехнулся:

– Ну ладно, еще успеешь, – и, повернувшись к остальным, с оттенком торжественности в голосе произнес: – Вот, господа, тот молодой человек, о котором я вам говорил. Клайд Смитсон, моя правая рука вот уже около десяти лет. – Он снова повернулся к Клайду. – Знакомься, Клайд, это – мистер Конноли из «Ренда», а это мистер Гершвиц…

У Клайда екнуло под ложечкой. Лично этих людей он не знал, но то лично… «Ренд корпорейшен» – это «Ренд корпорейшен», а что касается второго, то фамилия Гершвиц очень часто мелькала в разговорах тех, кто посещал шефа в последнее время. Клайду запомнилась даже одна фраза, сказанная, как он помнил, его бывшим тестем, сенатором Стрентоном: «Если удастся перетянуть Гершвица – считай ты уже выиграл».

– … ну а кто такой мистер Торинфельд, ты, как мне кажется, уже знаешь.

Гости несколько мгновений пристально разглядывали Клайда, затем Торинфельд обратился к шефу:

– А не слишком ли он молод?

Шеф пожал плечами и с коротким смешком ответил:

– Ну, это недостаток, который быстро проходит. К тому же Метьюз занял этот пост, будучи моложе его на год.

Следующий вопрос последовал от Гершвица.

– Молодой человек, насколько хорошо вы знаете Россию?

Клайд уставился на него с удивлением. На Россию в Америке смотрели как на нечто из области анекдотов. Слабое, опутанное долгами государство, вот уже не одно десятилетие натужно пытающееся восстановить хотя бы намек на былое могущество и дошедшее в своих потугах до того, что скатилось в пучину дремучего средневекового абсолютизма (а как еще можно относиться к анекдотическому референдуму, в результате которого на карте Евразии появилось государство под названием Русская империя?). Впрочем, Клайд испытывал к ней некий снисходительный интерес, поэтому счел себя вправе ответить так:

– Мне кажется, лучше многих.

Гершвиц понимающе кивнул и повернулся к шефу.

– Что ж, мистер Рейли, рад был с вами познакомиться, Что касается подробностей, то жду вас во вторник…

Когда гости покинули кабинет, Клайд вопросительно посмотрел на шефа. Тот обошел вокруг письменного стола, уселся в кресло, закинул ноги на столешницу и раскурил сигару.

– Ну что ты смотришь, Клайд? В жизни не поверю, что ты ни о чем не догадался.

Клайд вздохнул:

– Вы таки решились баллотироваться.

Шеф кивнул:

– Да. Джозеф (так звали Президента) – «хромая утка», у демократов склока между Челсеном и Пидли, а у меня никаких реальных конкурентов. Так что готовься, должность советника по национальной безопасности за тобой.

Клайд усмехнулся:

– Ну, сначала надо выиграть выборы, и… я не понял, при чем здесь Россия?

– Понимаешь, Клайд, я не хочу остаться в истории проходной фигурой, серой мышкой, чтобы обо мне написали: «Президент, правивший Америкой с такого-то по такой-то год». И обстановка мне благоприятствует. Америка созрела для большого рывка. Но наша нация всегда показывала лучшие результаты, если у нее была серьезная угроза. Короче, Америке нужен враг…

5

– Сорок секунд…

Артем, задыхаясь, перевалился через забор и упал кулем на землю, больно ушибив левое колено. Инструктор-воспитатель неодобрительно качнул головой и бросил:

– Сорок пять секунд… прибавь.

У Артема не осталось сил даже на короткий кивок, поэтому он лишь судорожно втянул воздух перекошенным ртом и, с трудом выпрямив дрожавшие от усталости ноги, потрусил, прихрамывая, к нижней ступени лестницы, которая вела к балкам разрушенного моста. В этот момент сзади послышался упругий хлопок, голос инструктора-воспитателя произнес:

– Тридцать две секунды, отлично, Николай!

Артем жалостливо сморщился. Вот черт, его уже догнали…

Когда все закончилось, он пять минут валялся на дне окопа, который и был последним рубежом полосы, пытаясь отдышаться и прийти в себя. Эх, черт, угораздило же его вляпаться во все это дерьмо…

Артем Капустов был брошенным ребенком. И фамилия у него такая смешная была как раз из-за этого. Женщина – делопроизводитель загса, оформляя документы на кроху, оставленного в роддоме непутевой малолетней матерью, долго ломала голову, под какой фамилией записать это существо, никому на свете не нужное. Для оформления сирот в загсе был выделен всего один день в месяц, и когда очередь дошла до Артема, перед ней уже лежало с десяток свежевыписанных свидетельств о рождении, на которые и ушла вся ее фантазия. Женщина досадливо поморщилась, вскинула глаза к потолку, потом опять бросила взгляд на лежавшую перед ней справку из роддома, полную прочерков и значков «н/у», что означало «не установлен», а затем, припомнив известную байку о том, где находят детей, вздохнула:

– Ладно, будешь Капустов.

Впрочем, вполне возможно, что все было не совсем так или совсем не так, во всяком случае, Артем этого не видел и никто ему не рассказывал. Но, как бы там ни было, с той поры в грудничковом отделении Клинского дома ребенка появился новый воспитанник. Артем родился довольно слабеньким. По-

видимому, его малолетняя мамочка до самого последнего момента скрывала от окружающих сам факт своей беременности, что, несомненно, подразумевало обычный для молодежной тусовки образ жизни с пивом, водочкой, ночными дискотеками и танцами до упаду, а возможно, и с чем-то еще, на здоровье плода влияющим отнюдь не лучшим образом. Так что Артемка появился на свет с врожденным плоскостопием, левосторонней кривошеей, астмой и еще целым букетом болезней, которые делали его крайне непривлекательным для усыновления. Впрочем, генетическая основа у него, как видно, была вполне приличной, и к семи годам большинство его болячек то ли прошли сами собой, то ли просто пока ушли вглубь, ожидая для развития более благоприятную (для себя) обстановку. Каковая, впрочем, рано или поздно должна была образоваться. Да и действительно, какая судьба могла ждать детдомовского паренька? Жить впроголодь, ходить в обносках, мерзнуть по ночам из-за диких сквозняков и еле теплых батарей, и все детские годы ловить на себе презрительные взгляды и слышать за спиной шепот: «детдомовский». Но тут произошло неожиданное. Россия стала Империей. И в жизни Артема, как и остальных обитателей детских домов, все изменилось…

– Значит так. – Голос инструктора-воспитателя был немножко сиплым. – Результаты пока разные, но большинство явно прибавило. Особенно Капустов. Молодец, если так пойдет дальше, – скоро получишь нашивку.

Артем досадливо скривился, но в глубине души ему было приятно, что, хотя он отстал от всех, инструктор его похвалил. Конечно, по поводу нашивки инструктор явно поторопился. До зачетного результата Артему надо было сбросить еще не меньше двадцати секунд. Впрочем, когда Артем первый раз вышел на полосу, то упал без сил уже после разрушенного окна…

Указ Императора о передаче системы детских домов в ведение вновь образованной трехсторонней комиссии был объявлен 1 апреля. Сказать по правде, многие сначала восприняли его как первоапрельскую шутку. Во-первых, больно разношерстным оказался состав этой комиссии – министерства образования, здравоохранения и… обороны. Запрягли, так сказать, в одну повозку коня и трепетную лань. А во-вторых, сам указ прозвучал как гром среди ясного неба. Его появление оказалось для большинства чиновников и депутатов совершенно неожиданным. Документ этот появился без всяких проработок и обсуждений, без обкаток на круглых столах и депутатских слушаниях – без всех этих процедур, обычных в демократическом государстве при выработке решений. Конечно, система подобных обсуждений и проработок позволяет

заранее устранить большую часть неясностей и ошибок, без сомнения наличествующих в проекте любого важного документа, если он разработан довольно узким кругом лиц, ибо эти лица всегда несколько ослеплены изяществом найденного ими решения либо насущной неотложностью проблемы. Вот почему, несмотря на все опасения, Император в подавляющем большинстве случаев пропускал свои решения через эту уже достаточно отработанную общественную систему. Но на этот раз все было по-другому. Возможно, из-за того, что число разнообразных «общественных» (а по большому счету лоббистских) организаций давно уже достигло просто неприличной величины. И они продолжали множиться.

Система их действий была давно отработана. Как только в кулуарах пролетал слух о том, что та или иная проблема может получить бюджетное финансирование, мгновенно, как грибы после дождя, начинали появляться все новые и новые «Фонды…», «Круглые столы…», «Движения в поддержку…» или «Лиги против…», эксперты которых тут же принимались вещать со страниц газет и телеэкранов, околачиваться в приемных высоких чиновников и депутатов, министров и прокуроров. Когда аргументов, высказанных со страниц газет, оказывалось недостаточно, откуда-то вытаскивались результаты исследований, опросов общественного мнения, а иногда возникали некие громкие (хотя и весьма скромные в финансовом отношении) спонсоры. Впрочем, существовали и постоянно действующие Фонды, как правило, подвизавшиеся на почве экологии и защиты окружающей среды, поскольку, как выяснилось в последнее десятилетие ушедшего века, не было на свете вопроса, который в той или иной мере не касался бы экологии и окружающей среды. Так что практически каждый мало-мальски крупный олигарх или высокопоставленный чиновник в конце концов озаботился созданием экологического фонда, движения либо партии. Так, потихоньку, постепенно обсуждаемый закон видоизменялся, установки его модифицировались, формулировки шлифовались и наконец закон получал всеобщую поддержку и одобрение, а солидный кусок бюджетных средств оказывался благополучно поделен между заинтересованными лицами. И вот эта налаженная и бесперебойно действующая система внезапно оказалась похеренной.

По большому счету вопрос был копеечный, но подобное «покушение на основы демократии» необходимо было пресечь в корне. Императора, от которого все, кто подвизался на данном поприще, уже давно ожидали какого-нибудь подвоха (а иначе на кой черт подобные права были прописаны в новой конституции), решено было незамедлительно поправить. Поэтому «независимая» печать, вроде бы давно уже поделенная, внезапно объединилась и накинулась на новый указ.

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что нападать было на что. Похоже, тот, кто готовил этот указ, совершенно не улавливал новых веяний. Ну как можно отдавать заботу о детях(!) в руки военных? И что это за ограничения? Как можно ограничивать будущих граждан великой державы всего двумя областями деятельности – военным делом и медициной? И не будет ли подобный подход отвлекать от главного – всемерного стремления дать каждому ребенку семью? К тому же коли уж во всем мире признано, что наиболее приемлемой формой учреждения для детей, оставшихся без родителей, являются семейные детские дома, зачем придумывать что-то иное, да еще такое замшелое, ну прямо «времен Очакова и покоренья Крыма»? Контраргументы, что никто не собирается никого ограничивать, а кроме пусть и вероятных в будущем, но отнюдь не обязательных погон, выпускники мужеского полу получают еще и вполне реальные специальности, а медицинские навыки женской половины отнюдь не будут лишними и в обычной семейной жизни, в расчет не принимались. То, что люди усыновляют лишь малышей в возрасте до пяти лет, а дети постарше практически не имеют шансов на усыновление, скромно замалчивалось. Ну а уж о том, что расходы на создание и успешное функционирование системы семейных детских домов, которая бы функционировала по действительно весьма успешному западному образцу и при этом вместила в себя весь контингент домов нынешних, превысят сумму всех расходов на образование, медицину и здравоохранение, вместе взятые, упоминать считалось просто неприличным. Зато сравнения с временами императора Николая Палкина были очень даже в ходу.

Однако время шло, а реакции свыше как-то не ощущалось. За исключением того, что оперативно созданная трехсторонняя комиссия выпустила положение о военно-медицинских школах и принялась активно внедрять его в жизнь. И тут выяснилось, что все как-то в тему. Армия подкинула продуктов и обмундирования, да и помогла кадрами, командировав в сиротские дома опытных сержантов и офицеров, которые по ранению, возрасту либо иным причинам оказались ограниченно годны к службе, но желали служить, а не охранять автостоянки. Медицина тоже постаралась не ударить в грязь лицом. А минобразованию просто некуда было деться, поскольку именно оно была названо в указе базовым. Впрочем, заинтересованность обоих министерств была вполне объяснима: армия на выходе получала практически готовые кадры младшего начсостава, а медицина – младшего медперсонала, с которыми и там и там ощущалась острая напряженка. К тому же воспитанники сиротских домов отнюдь не ждали от будущего ни больших денег, ни головокружительной карьеры и были рады верному куску хлеба и койке в общежитии. А несколько лет существования в условиях полувоенной (с некоторой скидкой на возраст)

дисциплины и быстро сложившейся традиции посылать выпускников для службы или работы в определенные, так сказать, подшефные части и учреждения, под крыло земляков и однокашников, существенно облегчали бывшим детдомовцам адаптацию в новой для них самостоятельной жизни…

В эту школу Артем попал полгода назад, когда расформировывали его родной (если, конечно, можно было так сказать) детский дом. Эмиссары комиссии прокатили по всем городам и весям и проинспектировали каждое учреждение. Часть детских домов за ветхостью строений и отсутствием каких бы то ни было перспектив развития материальной базы были признаны неперспективными, и находившихся в них воспитанников распределили по новым военно-медицинским школам. Об этих школах в их детдоме ходили страшноватые слухи, подогреваемые и глухим ворчанием взрослых. Поговаривали, что часть таких школ создана на месте заброшенных сибирских военных городков. И что там детей заставляют еще и пахать на полях и фермах. То есть получалась чистая колония. Правда, как говорили, в такие школы отправляли в основном городских беспризорников и любителей «побегать», а «чистокровных» детдомовцев селили поближе к цивилизации. Кроме того, никто не знал, как в этих школах дела с «пропиской». Про дедовщину в армии слыхали все, и народ опасался, не будут ли подобные примочки в этих пристукнутых военных школах еще похлеще. Короче, опасений было много, а на лучшее все обитатели детского дома надеяться уже разучились. Поэтому когда выкрашенный в зеленый цвет старенький армейский «уазик»-буханка с красными крестами на боках въехал в распахнувшиеся перед ним ворота, по армейской традиции украшенные красными звездами, у троих мальчишек и двух девчонок, прибывших на новое место жительства, екнуло сердце. «Уазик» проехал через заасфальтированный двор и остановился перед крыльцом. Водитель выбрался из кабины, обошел машину, распахнул дверку и тут за входной дверью здания послышался мальчишеский рев:

– Дежурный по школе на выход!

Артем, первым выбравшийся из тесного кузова, вздрогнул и замер. А в следующее мгновение дверь распахнулась и на пороге появилась рослая фигура в новенькой военной форме с красной повязкой на рукаве. Артем невольно присел. Парень был уж больно здоров. Окинув вновь прибывших грозным взглядом, он неторопливо спустился с крыльца и… внезапно улыбнулся и протянул руку Артему:

– Давайте знакомиться. Джамал Гемалетдинов, кадет от инфантерии, седьмой цикл. Я сегодня дежурный по школе.

– Чего-о-о? – ошалело вякнул Артем. Улыбка Джамала стала шире.

– Инфантерия означает пехота. У нас три цикла – инфантерия, кавалерия и артиллерия. А у девочек – хирургия, терапия и онкология. Специальные предметы преподаются в зависимости от цикла. Впрочем, если будете успевать на своем, никто не мешает заниматься и дополнительным курсом. Я, например, кроме обязательных предметов еще занимаюсь воль-тижировкой и баллистикой дульнозарядных орудий.

Новички ошарашенно переглянулись. В этот момент где-то за зданием раздался восторженный рев. Дежурный по школе дернулся и просиял.

– Похоже, наши забили. Наши с играют с «колчаковцами», – пояснил он, – ну, со школой имени Колчака. Если выиграем – выходим в четвертьфинал.

– Чего?

Дежурный окинул их сочувственным взглядом:

– Чего-чего, спартакиады Его Императорского Величества военно-медицинских школ. В прошлом году мы только до одной восьмой дошли. Александроневцы нас тогда вышибли, а в этом мы с ними в разных подгруппах. И слава богу. А то бы опять вышибли. У них команда такие лоси… Ирка, ну я тебя уже заждался, давай разбирайся тут, а я побежал.

Дежурный исчез. А новички обнаружили перед собой симпатичную девчушку всего на год постарше их, в белоснежном медицинском халате и такой же шапочке, тоже с красной повязкой на рукаве. Она проводила дежурного укоризненным взглядом и повернулась к новичкам.

– Здравствуйте, я – дежурная сестра. Меня зовут Ира Арузян. Добро пожаловать в военно-медицинскую школу имени генерала Скобелева. Пойдемте, я покажу вам, где вы будете жить во время карантина.

– Во время чего? – испуганно вякнул кто-то сзади.

Дежурная ободряюще улыбнулась:

– Не беспокойтесь. В карантине нет ничего страшного. Просто первый месяц вы будете посещать только уроки по общеобразовательным предметам, и у вас будет немного больше свободного времени, а мы будем знакомить вас со школой. Потому что через месяц вы должны будете выбрать цикл, на котором захотите учиться, и группу. И каждый цикл будет очень стараться, чтобы вы выбрали его.

– Почему?

– Потому что, если вы, девочки, допустим, выберете мой цикл, онкологию, это будет означать, что мы сумели вас заинтересовать, и, значит, мы лучше знаем свой специальный предмет или мы дружнее и сплоченнее, или то и другое вместе. И тогда мы вполне сможем в этом году обойти хирургический цикл… Ну что застыли, я же сказала – пошли…

С тех пор прошло уже почти девяносто дней, и былые страхи казались теперь Артему такими глупыми…

Вечером Артем вместе с Денисом и Джамалом, тем самым парнем, который дежурил по школе в день их приезда, драил ствол Шуваловского единорога. Они с Денисом – потому что была очередь их расчета обслуживать орудия цикла, ну а Джамал присоединился добровольно. За прошедшее время этот неугомонный кроме вольтижировки и баллистики подписался еще и на курс истории холодного оружия.

Они в очередной раз вытянули банник из ствола, когда Джамал вдруг дернулся и, выпучив глаза, заорал:

– Смирно!

Все вытянулись в струнку. За их спинами неожиданно обнаружился начальник школы подполковник Токмаков, высокий худой мужчина с непроницаемым лицом и протезом вместо левой руки.

– Вольно! А вам, воспитанник Гемалетдинов, следовало бы помнить, что при проведении парково-хозяйственных работ команда «Смирно» не подается.

Джамал густо покраснел и выпалил:

– Виноват!

Начальник школы кивнул:

– Ладно, продолжайте, – но никуда не ушел, а так и остался стоять рядом, наблюдая за пыхтящими воспитанниками.

Через десять минут все было закончено. Воспитанники собрали принадлежности и остановились, переминаясь с ноги на ногу. Начальник школы окинул их спокойным взглядом, но ничего не сказал, а, повернувшись, неторопливо двинулся к школе. Ребята потрусили за ним.

У самого крыльца начальник остановился, посмотрел на багровое закатное зарево, окрасившее край неба, потом перевел взгляд на воспитанников. В этот момент Джамал, набравшись смелости, выпалил:

– Скажите, а это… где? – Он кивнул на черную перчатку, скрывавшую протез.

Начальник школы приподнял руку и задумчиво посмотрел на протез.

– Это… Чечня.

Мальчишки притихли. Джамал тихо спросил:

– А вас могли убить?

Возможно, мальчишкам это показалось, но позже они всем рассказывали, что на лице начальника промелькнула улыбка.

– Убить могут любого. А человек, надевший погоны, должен быть внутренне готов к тому, что умрет раньше, чем ему отмерено природой. Так что дело

совершенно не в этом. Как и за что умереть – вот что имеет значение.

– А я читал, что война в Чечне была совершенно бессмысленной и даже преступной…

Начальник покачал головой:

– А разве бывают не преступные войны, ведь убийство – всегда преступление.

– Нет, но в Великую Отечественную…

– Погибло пятьдесят миллионов. Двадцать семь из них – наши, а тринадцать – немцы. Но мы потеряли шестую часть населения, а немцы – четверть. Так кто виноватее?

– Но они же на нас напали?

– Значит, преступники именно они? Причем именно эти тринадцать миллионов, и больше никто? Все убитые до одного? Или, может, среди убитых были и не очень виноватые, а часть виноватых, наоборот, выжила? И кем тогда считать тех, кто убил их, этих самых не очень виноватых?

Мальчишки растерянно переглянулись.

– Но тогда же была война…

Начальник пожал плечами:

– В Чечне тоже, как бы это ни называлось. – Он немного помолчал, словно размышляя, стоит ли говорить об этом, и, решив, очевидно, что стоит, продолжал: – Понимаете, мальчики, все войны – преступны. Всегда и везде. Поэтому они и приносят людям столько горя. Все дело в том, что никто и никогда еще не смог ее избежать. Нация, которая отказывается платить за свою безопасность жизнями своих мужчин, страна, где мужчины начинают прятаться за мамкины юбки, справки из психушки и черт знает что еще, вскоре начинает платить сторицей, и уже жизнями не только мужчин, но и женщин, детей, стариков. И если вы настоящие мужчины, то всегда будете против такого

размена… – Он замолчал и нахмурился. – Ладно, идите спать. Завтра у вас начинается тяжелая неделя.

6

– А вы сами как оцениваете этот проект, Виктор Петрович?

Тот, кого этот всегда вежливый и спокойный голос назвал Виктором Петровичем, слегка поежился. Император никогда не повышал голоса, всегда был уравновешен и деликатен, его костюмы при всей их элегантности были очень скромны, короче, он никогда не делал ничего, чтобы произвести впечатление. Но не было на свете человека, который производил бы более глубокое впечатление на людей. Причем вне зависимости от того, было ли это публичное выступление, официальный прием или личная беседа в неофициальной обстановке. И это объяснялось прежде всего тем, что, о чем бы ни шла речь на подобных встречах, оказывалось, что Император прекрасно знает суть вопроса. Порой казалось даже, что он осведомлен лучше собеседника, который считает себя профессионалом.

Вот и на этот раз вице-премьер правительства по социальным вопросам, неожиданно вызванный в Кремль по такому, казалось бы, незначительному вопросу, как новый законопроект о социальных гарантиях и поддержке семей, ожидающих рождения ребенка и имеющих детей, после получаса вежливых расспросов чувствовал себя абсолютным тупицей и дилетантом. Нет, вообще-то Виктор Петрович не считал себя особенным специалистом в этой области, да и все документы разрабатывала специальная (и довольно представительная) рабочая группа, в состав которой были включены видные юристы, депутаты и представители общественности. Но вот с законопроектом Виктор Петрович был знаком довольно хорошо, потому что считал (как ему казалось, по праву), что, когда он будет принят и войдет в силу, ему будет чем гордиться. Сей документ должен был стать одним из тех законов, за которые, по представлениям Виктора Петровича, России не будет стыдно перед просвещенной Европой. Он был разработан на основе компиляции нескольких подобных законов, уже давно действующих в развитых странах Европы, в основном в Скандинавии, но предоставлял еще более широкие социальные льготы и гарантии. Причем (и это было предметом особой гордости Виктора Петровича) в случае принятия этого

закона Российская империя одна из первых предоставляла такие гарантии однополым семьям, то есть оказывалась в первых рядах наиболее либеральных и свободномыслящих стран. Но сейчас, после беседы с Императором, те положения, которые он считал наиболее выигрышными, внезапно показались ему совершенно ненужными и, более того, вредными.

Его Величество сомкнул руки и откинулся на спинку кресла.

– Понимаете, Виктор Петрович, я, конечно, представляю, чем вы руководствовались, приступая к разработке этого законопроекта. У вас перед глазами сияла яркая звезда либеральной Европы, но, к сожалению, за деревьями вы не увидели леса. По вашему законопроекту условия наибольшего благоприятствования предусмотрены для малолетних матерей неполных, малоимущих либо, скажем так, нестандартных семей, например, однополых. – Император пристально посмотрел в глаза собеседнику. – Вы что, действительно считаете, что Империя должна делать ставку именно на такие семьи? – спросил он тихо.

Виктора Петровича пробила испарина, под таким углом он этот законопроект не рассматривал. Ему казалось, что Его Величество, как человек, получивший европейское воспитание, если и не станет горячим сторонником европеизации темной и отсталой (по его мнению) России, то как минимум правильно оценит его устремления в этом направлении. Между тем государь еще не закончил.

– Или возьмем вот эту норму. Вот здесь, в преамбуле, очень возвышенно написано, что надо покончить с порочной практикой насильственного разлучения детей с матерями и что государство должно принять на себя обязательство обеспечить достойное детство каждому ребенку. Знаете, я недавно изучал статистку многодетных семей. Так вот, хотя по мнению детских психологов для ребенка полезнее воспитываться в многочисленной разновозрастной семье, процент выходцев из таких семей, по тем или иным причинам вынужденных воспользоваться услугами Управления исполнения наказаний, гораздо выше, чем в семьях с двумя-тремя детьми. Причем чем больше детей в семье, тем заметнее эта разница. Не понимаете почему? Или для вас слово «мать» является неким абсолютом, априори не требующим обсуждения? – В глазах Императора стоял легкий укор.

Вице-премьер потерянно молчал.

– Поймите, Виктор Петрович. Я действительно считаю, что нам необходимо принять серьезные меры по повышению рождаемости. Русский этнос слишком важный ресурс всего человечества, чтобы спокойно смотреть, как он сокращается. Но не любые меры. Надо направить наши усилия на то, чтобы у нас появлялось как можно больше здоровых и счастливых детей, растущих в полных семьях, в родительской любви и заботе, получающих прекрасное образование. Чтобы иметь детей было престижно. Чтобы многочисленность семейства была бы таким же признаком высокого социального статуса, каким сейчас является особняк в пригороде или престижный автомобиль. Поэтому мы должны максимально снизить прямую финансовую поддержку, возможно ограничив ее возрастным диапазоном между семнадцатью и, скажем, двадцатью пятью годами, когда молодой семье действительно не помешают лишние деньги. А затем должны действовать другие механизмы – снижение налогов, кредиты на строительство жилья и на образование и тому подобное. Ваш же законопроект, по существу, создает кормушку для тех, кто, беременея каждый год от разных сожителей, плодит неполноценных детей, от которых там же, в роддоме, и отказывается. Или, что еще хуже, держит их при себе в грязи, нищете и пьяном угаре, пропивая все, что получает от государства. А что касается сексуальных меньшинств… – Его Величество сделал короткую паузу. – Понимаете, положения в законах Европейских государств по их поводу были приняты под давлением депутатов, избранных в округах, где существенную часть избирателей составляют именно подобные сексуальные меньшинства. У нас пока такого нет. К счастью или к сожалению, судить не берусь. Так что нечего бежать впереди паровоза. Если это когда-нибудь станет реальностью, тогда и мы этим займемся. А что касается моей личной позиции, то я не считаю, что подобные семьи являются полноценной заменой нормальной или, скажем так, традиционной. Это не означает, что я категорически не признаю права таких семей на существование, но… я, и именно категорически, против того, чтобы предоставлять им государственную поддержку. Если люди хотят создать такую семью и к тому же совместно воспитывать детей – бог им в помощь, но делать они это будут только за свой счет и своими силами…

Когда дверь за посетителем наконец закрылась, Ярославичев встал и, подойдя к окну, потер виски. За окном открывался великолепный вид на седой Кремль. Построенная в те времена, когда люди еще не до конца научились преодолевать каменные стены, и потому не изуродованная бастионами, контрфорсами и иными нагромождениями булыжника, древняя крепость, раскинувшаяся перед его взором в золотых лучах заката, была в этот час как-то особенно… уютна, что ли… Конечно, за долгую жизнь ему доводилось видеть гораздо более величественные крепости и города, но нигде он не чувствовал себя дома, а вот в

Кремле…

На столе затилинькал спикерфон. Ярославичев удивленно качнул головой. Вроде как на сегодня все дела закончены…

– Да, Миша?

– Ваше Величество, Соболянин на связи.

Ярославичев нахмурился. Человек, ныне носящий имя Вадим Соболянин, был самым талантливым финансистом из всех, кого Его Величество имел счастье наблюдать за свою долгую жизнь. А имел он счастье наблюдать очень многих, и из тех, чьи имена когда-то были широко известны, не один и не два недостойны были, по его мнению, даже того, чтобы носить за этим человеком его папку. Вадим имел право безотлагательного доступа к нему в любое время, но пользовался этим правом крайне редко…

– Конечно соединяй.

Через мгновение на большом экране, занимавшем всю правую стену кабинета, возникло лицо Вадима, спустя пару секунд фокусировка видеоканала изменилась и перед глазами Императора возник интерьер кабинета, размерами раза в четыре превышавшего его собственный.

Они обменялись приветственными жестами, и Вадим сразу взял быка за рога:

– Ваше Величество, мне бы хотелось в ближайшее время занять около получаса вашего времени для обсуждения некоторых… деликатных вопросов.

Ярославичев на мгновение задумался:

– Хорошо, я как раз собирался в Университет, там и встретимся.

Вадим кивнул и отключился. Император встал, с хрустом развел руки, слегка помассировал веки и подошел к окну. За окном шел легкий снежок. И ему припомнился точно такой же день много лет назад. Тогда он на три дня застрял в Серпухове. От Серпухова до Москвы было почти двое суток санного пути, но

после двух месяцев дороги казалось, что это совсем рядом… и вот такая незадача – зима завьюжила, закрутила, забуранила. Он сидел на печи и злобно щурился, проклиная судьбу и свой неуемный характер, занесший его к черту на кулички, но по его расчетам выходило, что именно эта, затерянная в глухих снежных лесах ветвь славянского этноса в недалеком (разумеется, по его меркам) будущем достигнет наивысшего могущества, каковому развитию событий нужно было тем или иным макаром непременно помешать. Тогда ему это удалось, но… вот ведь ирония судьбы: теперь ему приходится неким образом восстанавливать историческую справедливость, вновь выводя этот этнос на самую вершину…

Спустя полчаса белоснежный вертолет, из-за плавно-стремительных очертаний чем-то напоминавший дельфина, заложил крутой вираж над темно-голубыми скалами зданий Терранского университета, льдисто блестевшими среди огромного, в двадцать квадратных километров, парка и опустился на лужайке у комплекса Терранского дворца. Дворец, похожий на вздыбленные крылья, еще строился, поэтому на левом крыле ярко поблескивали синеватыми всполохами сварочные автоматы. Правое же крыло, в котором располагались личные покои Императора, было уже закончено.

Мажордом Сулейман Степанишников, терранец, выпускник-9 инженерно-математического факультета, стоял шагах в десяти от садившейся машины, придерживая рукой рвущуюся с головы белоснежную шляпу. Сулейман был детищем двух рас. Его мать в свое время приехала в Россию из Зимбабве учиться в Университете дружбы народов, а отец грыз гранит науки поблизости в Московском геологоразведочном. Не сказать чтобы молодые студенты так уж сильно жаждали зачать дитя, да и любви особой между девушкой из жаркой Африки и парнем из Северодвинска не было, скорее обоим было по приколу покувыркаться в постели с экзотическим партнером, но случилось то, что случилось. Папа исчез с горизонта сразу же, как только обнаружилась беременность, ну а мама, родив сына и дав ему имя и фамилию, последовала советам уже не раз «залетавших» землячек, которые были в восторге от российского законодательства, позволяющего отказаться от ребенка и передать его на попечение государству, написала «отказную» и навсегда покинула сначала роддом, а затем и вообще пределы страны. Сулеймана «вербовщики» Терранского университета отыскали в одном из детских домов Челябинской области. Их сильно заинтересовал слух о чернокожем пацане, который держит в ежовых рукавицах суровую детдомовскую вольницу одного из самых сложных по контингенту сиротских домов. Слух оказался правдой, и Терранский университет получил нового абитуриента…

– Как дела, Сулейман?

Тот склонил голову в неглубоком церемониальном поклоне:

– Все в порядке, Ваше Величество, рабочие закончили подготовку к монтажу оборудования в седьмом и одиннадцатом секторах. Георгиевский зал будет готов к концу месяца.

Император кивнул:

– Хорошо, скоро должен подъехать Соболянин, проводишь его в Водный мир. Я приму душ и буду ждать его там.

Сулейман коротко поклонился и исчез.

Вадим появился в Водном мире через два часа. Дверь мягко уехала вверх, и он в восхищении замер на пороге.

– А ты неплохо устроился. – Он обвел взглядом высокий потолок, в толще которого в этот момент величественно проплывал могучий скат, стены, в которых яркими бликами мелькали стайки веселых тропических рыбешек, и сумрачную бездну пола, где едва просматривались в полумраке хищные тела акул. – И какова толщина воды?

Император улыбнулся:

– Рад тебя видеть, Вадим. А что касается воды, то стены и потолок – пятнадцать метров, а пол около двадцати пяти. Ну и как, тебе нравится?

Вадим кивнул:

– Впечатляет. – Он хитро прищурился. – Ты кому-нибудь уже показывал это место? Или я первый?

Ярославичев рассмеялся:

– Почти… ну да ладно, проходи, садись.

Вадим покачал головой и двинулся вперед к легкому столику из благородного бука и двум креслам черного английского дуба, стоящим в самом центре этого великолепия.

– Так вот куда, оказывается, уходят деньги…

Ярославичев снова растянул губы в легкой улыбке и, подождав, пока гость займет понравившееся ему кресло, уселся напротив. Они с минуту молчали, потом Вадим раскрыл тонкую папку и достал из нее два листка.

– Вот, ознакомься.

Ярославичев взял листы, некоторое время с подчеркнутым вниманием скользил по ним глазами и положил на столик. Лицо его ничего не выражало. Под столиком из темноты выплыла огромная морда акулы-молота. Она уставилась на Императора огромными немигающими глазами, словно приценивалась, но, решив как будто, что жертва, несмотря на свои скромные размеры, ей все же не по зубам, извернулась всем телом и ушла на глубину.

– И что, по-твоему, из этого следует?

Вадим посмотрел на Ярославичева долгим взглядом. В этом взгляде, в выражении лица было что-то такое, что всякий наблюдатель, даже не самый толковый (хотя какие здесь могли быть наблюдатели?), засомневался бы, действительно ли собеседнику Императора тридцать пять – сорок лет, хотя именно на столько он выглядел, да и вообще, человек ли это, смертный ли, или перед этими всевидящими глазами успела пройти длинная череда веков… Да и вообще, кто эти двое?..

Между тем в глазах Вадима вспыхнуло раздражение, однако он быстро подавил его и, когда заговорил, голос его был почти спокоен.

– Мы банкроты… Дмитрий.

По легкой заминке Император понял, что его собеседник хотел обратиться к нему иначе, но заставил себя произнести другое имя. Ярославичев качнул головой:

– Ну, я бы не оценивал ситуацию так однозначно…

Вадим саркастически ухмыльнулся и вольно, даже несколько развязно, развалился в кресле:

– Мы все банкроты, понимаешь, ВСЕ! Мы доверили тебе все свои деньги, все, что скопили за прошедшие века, а ведь это немало. И что же? – Вадим скрипнул зубами, выхватил из папки еще несколько листков. – Вот смотри, вот данные по «Беррингс», вот по «Дрезденер банк», а это совокупная сумма кредитов по одиннадцати крупнейшим банкам восточного побережья Соединенных Штатов! Сроки всех этих кредитов истекают через четыре месяца. Причем я имею вполне достоверные сведения, что шесть самых крупных банков Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии уже обменялись конфиденциальной информацией, и мы больше не можем рассчитывать даже на краткосрочные займы…

Ярославичев несколько мгновений молча смотрел на своего собеседника, по лицу его блуждала легкая, почти неуловимая улыбка.

– По-моему, ты не сообщил мне ничего такого, из-за чего стоило бы так нервничать, – сказал он наконец.

Вадим подался вперед, пристально глядя на Императора, словно пытался что-то рассмотреть за этой улыбчивой маской, и бессильно откинулся на спинку кресла.

– Действительно, кому я все это говорю?!

Император встал, прошелся вдоль стены, заложив руки за спину, остановился, устремив взор на стайку морских коньков, порхающих среди коралловых рифов, и замер неподвижно, любуясь умиротворяющим зрелищем. Потом резко повернулся к собеседнику.

– Как ты думаешь, Вадим, – тихо спросил он, – каким образом можно объединить эту планету?

Губы того, кто ныне звался Вадимом, дернулись в легкой гримасе недовольства и, пожалуй, неприязни.

– Послушай, Дмитрий, я не собираюсь давать тебе никаких советов по поводу того, как руководить этой страной и что делать с этой планетой. Я уже давно, еще во времена Людовика XIV понял, что все мои потуги более или менее точно просчитать, как эта кровожадная амеба под названием человечество будет реагировать на те или иные мои действия, обречены на неудачу. Поэтому я совершенно не собираюсь забивать себе голову такими вещами.

Император покачал головой:

– И напрасно. Потому что если бы ты дал себе труд задуматься, что и как я собираюсь сделать, то очень многое понял бы еще до того, как явиться ко мне со всем этим. – Он вяло качнул рукой, показывая на листы распечатки, рассыпанные по столу.

Гость продолжал молча сверлить Императора взглядом.

Ярославичев вновь прошелся вдоль стены:

– Знаешь, Вадим, для чего была сделана эта зала? Ее задача вовсе не в том, чтобы производить впечатление на гостей или обеспечивать для меня несколько экзотические, но зато очень эффективные условия релаксации. Хотя с обеими задачами она справляется очень неплохо. Однако же ее основная функция в другом. Это помещение Терранского дворца абсолютно защищено от какого бы то ни было прослушивания. В мире просто нет таких технологий – и, что самое интересное, в ближайшие лет пятьдесят не появится, – которые могли бы хоть каким-то образом проникнуть сквозь пятнадцатиметровую толщу воды, содержащую к тому же несколько сотен живых организмов, имеющих разную массу, плотность, размеры, ритм сердцебиения, частоту движений и иные параметры. – Он замолчал, глядя на собеседника. Тот продолжал сидеть, сжав губы. Император заговорил снова:

– Так вот, наивысшей эффективности управления, что только и способно обеспечить нам успех, мы можем добиться лишь в том случае, если каждое из моих решений будет нести с собой продвижение вперед в выполнении не одной, а двух, трех или даже большего числа задач. Причем так как нам чем дальше,

тем больше придется действовать в условиях активного противодействия, эти решения должны быть соответственно все более неожиданными, многослойными, сбивающими с толку, не имеющими адекватного ответа. – Император сделал паузу, посмотрел на лежавшие на столике листы. – Я понимаю, что ты хотел мне сказать. Да, мы сможем вывернуться из этой ситуации лишь такой ценой, которая тебе кажется совершенно неприемлемой. Ценой либо жуткой финансовой кабалы, либо обмана и в недалеком будущем неизбежной потери репутации… Но я говорю тебе, что это именно то, чего я и добивался. Я специально затягивал принятие некоторых инвестиционных решений, чтобы у нас сложилась именно такая ситуация.

Тот, кто звался ныне Вадимом, вздрогнул, то ли потрясенный уже услышанным, то ли боясь услышать что-то еще пострашнее. А Император продолжал:

– Даю тебе еще один шанс понять своим умом, что и как ты должен сделать. Подумай, как из двух сотен современных государств, у каждого из которых своя бюрократия, свои интересы, своя история, амбиции, свои враги и друзья, можно создать одно. Причем это одно ни в коем случае не должно стать кормушкой для всей совокупности ныне существующих национальных бюрократий, к которой прибавится еще и вновь созданная наднациональная. Разве не это мы наблюдаем сейчас в так называемой Объединенной Европе, где скоро на каждого жителя придется по одному чиновнику? Новая Империя должна быть государством компактным, эффективным и, что самое важное, действительно обладающим эффективным экспансионистским потенциалом. – Настойчивый взгляд Императора остановился на лице собеседника, однако тот продолжал молчать. Император снова заговорил:

– Допустим, пройдет лет десять, и мы покажем всему миру, что мы сильнее всех. Мы выдержим удар совокупной военной мощи самых сильных армий планеты. Но сможет ли это привлечь в наши границы других, тех, кто проиграет, или тех, кто будет просто бесстрастно наблюдать за той битвой, укрывшись за щитом враждебного нейтралитета? – Император мгновение помедлил, словно ожидая ответа, и, не дождавшись, ответил сам: – Нет. Нам скажут: «О’кей, теперь вы самые сильные, ну и что? Мы будем жить, как жили, – набирать жирок, менять машины раз в два года, а не в пять, отдыхать на экзотических островах по четыре недели в год, а не по две. Вы хотите в космос – это ваши проблемы, мы совершенно не собираемся мешать вам в этом, но, ради бога, оставьте в покое нашу уютную Бельгию, изрядно поиздержавшуюся на военных расходах Британию или скромную Панаму. А вот когда у вас все получится и по орбитам

полетят не только грузовозы и транспорты, но и круизные лайнеры, тогда, может быть, мы и согласимся одну неделю из четырех провести не на островах, а там, наверху… – Император саркастически улыбнулся. – И что тогда делать? Устраивать второй Тысячелетний рейх, вводить генерал-губернаторства или сажать посадников из числа терранцев?

– А что ты предлагаешь?

– Надо дать понять, да что там дать понять, надо вбить в голову самому тупому бюргеру одну простую мысль – он будет обрастать жирком и регулярно менять свою чертову машину только в том случае, если станет подданным Империи. А иначе ему придется тяжко трудиться за кусок хлеба. Потому что Империи глубоко наплевать на то, что происходит за ее границами и не с ее подданными. Ее волнует только одна репутация – репутация в глазах ее собственных подданных. И именно для них она будет родной мамой и суровым отцом, даже за счет всей остальной планеты. И сейчас лучший момент для того, чтобы начать это делать, ибо ни один удар граждане так называемых цивилизованных стран не воспримут более болезненно, чем удар по собственному кошельку.

7

– Батюшки, Дашуня!

Дарья Александровна Долинская, генеральный директор Восточного машиностроительного завода и один из самых высокооплачиваемых менеджеров страны, с живым интересом разглядывавшая великолепное убранство новенькой, с иголочки, парадной приемной все еще строящегося Терранского дворца, вздрогнула и резко развернулась на каблуках. Так ее никто не называл вот уже лет пятнадцать. В следующее мгновение лицо Долинской расплылось в радостной улыбке, и она качнулась навстречу той, которая так ее назвала.

– Ирина Георгиевна!

Тучина обняла ее и, немножко отодвинувшись, покачала головой.

– Да ладно уж, какая Георгиевна… теперь уже мне впору величать тебя Дарья Александровна. – Обе весело рассмеялись. Дарья окинула взглядом бывшую руководительницу Службы эскорта и восхищенно покачала головой.

– Да вы помолодели, Ирина Георгиевна.

Та по-бабьи махнула рукой:

– Да ладно вам, Дарья Александровна. Неужто мне надо разъяснять вам возможности современной косметологии и пластической хирургии?

Дарья покачала головой:

– И все равно, вид у вас просто… юный.

Тучина шутливо поморщилась и сменила тему:

– Какими судьбами здесь?

Дарья Александровна недоуменно пожала плечами:

– Пока не поняла. Какая-то детективная история. – Она задумчиво потерла подбородок и внезапно оживилась. – А я только что с заседания Его Императорского Величества научно-промышленного совета. – Дарья тряхнула волосами. – Такого наслушалась, ну просто фантастика! Если все получится, то те шесть-семь процентов роста, которые мы имеем последние три года, покажутся всем просто смешными. Технологии, которые вот-вот начнут внедряться в массовых масштабах, это… ну как если бы мы с телеги пересели прямо на «КамАЗ», а все проселочные дороги в мгновение ока покрылись бы асфальтом. Ну да вы, наверное, в курсе.

Тучина кивнула:

– Да, в общих чертах. Терранский университет – старший координатор Императорской программы модернизации экономики. Но, насколько мне известно, заседание научно-промышленного совета проходило в Кремле, а как ты оказалась в Терранском дворце?

Дарья усмехнулась:

– Вот я и говорю. После заседания ко мне подошел посыльный и передал вот это. – Она показала скромный конверт без подписи, из которого тут же извлекла узкую плотную карточку с маленькой золотой виньеткой в левом верхнем углу и двумя словами, напечатанными простым шрифтом в центре: «Дмитрий Ярославичев». И все. Ни должности, ни званий, ни иных регалий не указывалось. На обратной стороне визитки мелким четким почерком было написано: «Дашуня, приглашаю тебя на церемонию вручения магистерских дипломов Терранского университета, которая состоится в Георгиевском зале Терранского дворца 27 июня в 18 часов».

Тучина вернула визитку и понимающе усмехнулась.

– Ну что ж, поздравляю. Впрочем, ты это заслужила.

Дарья удивленно воззрилась на нее:

– Так вы в курсе? Ирина Георгиевна, просветите, что сие означает?

Тучина покачала головой:

– Ничего особенного. Просто Его Величество решил наконец озаботиться формированием новой аристократии. И тебе грозит оказаться в ее первых рядах.

Дарья растерялась:

– То есть… как?

Тучина обняла ее за плечи:

– Не волнуйся, Дашуня. Все будет немножко не так, как ты это себе представляешь. Как, впрочем, и остальные. Тебе совершенно не светит стать, скажем, баронессой или графиней. Внешне все пока останется как было. Просто… выпускники Терранского университета – единственные, кто приносит личную вассальную присягу Императору.

– Но я же…

– Да, – перебила Тучина, – я помню. Все сотрудницы Службы эскорта тоже приносили подобную присягу, но вы присягали НЕ Императору. И потом, разве ты до сих пор считаешь себя связанной ею?

Дарья, слегка помявшись, кивнула:

– Да, Ирина Георгиевна, вы правы. Это было красиво и многое значило… для молодой дурочки, которой я была тогда. Теперь это прошло. Хотя я считаю, что именно Служба эскорта сделала меня такой, какой я стала теперь.

– Вот видишь.

Дарья осторожно спросила:

– Но зачем Его Величеству вновь возрождать все это? Мы уже достаточно взрослые, чтобы…

Тучина вскинула руку:

– Подожди, все вопросы задашь самому Императору. Я сама не все знаю, это была его идея. Но я ее полностью поддерживаю. Нет лучшей опоры для монархии, чем аристократия, а история показывает, что монархия гораздо более зависима от поддержки людей, чем, скажем, та же демократия. Если вожди демократии перестают пользоваться поддержкой – меняют вождей, если же теряет поддержку монарх – люди отказываются от монархии. Любой суверен несет на своих плечах гораздо более тяжелое бремя ответственности перед нацией, чем какой бы то ни было президент или премьер-министр. Даже если по конституции главным высшим руководителем государства является именно премьер-министр.

Дарья несколько мгновений помолчала, обдумывая то, что ей сказала Тучина, потом пожала плечами:

– Тогда я чего-то не понимаю. Магистерские дипломы Терранского университета… В конце концов, во всем мире аристократия носит вполне

известные и привычные титулы… и в России они когда-то уже были.

– Вот тут я тебе ничего сказать не могу. Это ЕГО решение. – Тучина запнулась, словно колеблясь, стоит ли продолжать разговор, а может, еще почему-то. – Возможно, – медленно проговорила она, – дело в том, что… мы не знаем, как разрастется Империя в будущем. И не появятся ли в ее составе государства со своей аристократией. Может, Император решил провести некую границу между той аристократией и своей. Что же до названия, то в каждом языке название этого сословия ведет происхождение от вещей не менее обыденных, чем название университета. Например, во Франции дворянин – «шевалье», что по-французски есть производное от «шеваль» – конь, в Испании – идальго, что означало «сын, имеющий нечто, наследник». А у нас, между прочим, слово «дворянин» этимологически произошло от слов «двор», «дворня», то есть предки дворян были всего лишь дворовыми слугами.

У Дарьи екнуло под ложечкой. Ей показалось, что Тучина слегка приоткрыла перед ней полог над чем-то таким, к чему имел доступ только сам Император и еще очень ограниченный круг лиц, избранный им самим. И сделала это не случайно, а как бы намекая, что она тоже стоит на пороге этого круга. Но она пока не чувствовала себя готовой к продолжению этого разговора, а потому поспешно сменила тему:

– Кстати, у меня на Восточном машзаводе работает несколько ваших выпускников.

Губы Тучиной дернулись в легкой улыбке, в которой Дарье почудилась ирония.

– Да-а-а? И как они тебе?

– Прекрасно. Я общаюсь с некоторыми из них довольно плотно и просто удивлена уровнем их подготовки…

Тучина чуть прищурила глаз:

– И все-таки что-то тебя в них смущает… не так ли?

Дарья несколько нервно рассмеялась. Она уже довольно давно пребывала на самом верху руководящей пирамиды и полностью приняла и усвоила правила игры, которым должен был подчиняться любой руководитель. Одно из них гласило: не показывай, что ты чувствуешь и думаешь. Но, встретившись с Тучиной, она вновь почувствовала себя ее ученицей. А с кем еще поделиться своими сомнениями, как не с мудрым учителем?

– Ну, от вас, Ирина Георгиевна, ничего не скроешь! – Дарья задумалась, как бы пояснее выразить свою мысль. – Знаете… от таких молодых людей, только-только со студенческой скамьи, обычно не ждешь такого умения руководить людьми.

– Ну почему же? – Тучина задорно тряхнула челкой. – Я могу хоть сейчас назвать тебе одну женщину, которая сразу же после выпуска могла заставить десяток мужиков с чугунными яйцами прыгать и квакать по одному мановению своей руки.

Дарья досадливо наморщила лоб:

– Да я не об этом. То есть… сложно объяснить… Понимаете, те, кто прошел вашу школу, действительно могли заставить любого выполнить то, что нам было необходимо, но эти ребята… они не просто могут заставить повиноваться любого, они еще умеют поставить дело так, что им повинуются не только с неудовольствием, но даже с… воодушевлением! Вы себе не представляете, что они могут сделать с людьми.

– Ну, положим, кое-что представляю, – с легкой иронией произнесла Тучина.

Дарья нервно хихикнула:

– Ну да, извините…

– И это все, что тебя тревожит? Или есть что-то еще?

Дарья мгновение как будто колебалась, говорить или нет.

– Понимаете, в их отношении к людям проскальзывает что-то странное, я бы назвала это… равнодушием или даже безжалостностью… вот черт, все не так… я не могу это сформулировать. Они делают для людей гораздо больше, чем любой другой руководитель, но как-то… вот дьявол, не могу объяснить.

Тучина нахмурилась:

– Жаль. Мне бы очень хотелось понять, что ты имеешь в виду. Это для меня действительно важно.

Дарья глубоко вздохнула:

– Понимаете, другие, наверное, этого бы и не заметили, но я прошла вашу школу и кое-какие нюансы мне бросились в глаза… Вот один пример. Представьте, что в одном подразделении работают три человека – один мужчина и две женщины. Он – тихий алкоголик, одна женщина – шлюха, а вторая – стареющая стерва, которая дня, да что там дня, часа не может прожить без того, чтобы с кем-нибудь не пособачиться. При этом все трое – неплохие специалисты, вполне способные выполнять порученную работу, но, поскольку результат подразделения зависит от согласованности действий всех троих, а они или ненавидят, или презирают друг друга, получается затык. – Дарья замолчала и бросила на Тучину испытующий взгляд, проверяя, поняла ли та ситуацию. Тучина сосредоточенно кивнула. Дарья продолжила:

– Так вот, это реальная ситуация, с которой я столкнулась. Я ясно понимала, что с этим подразделением придется что-то делать, иначе оно станет помехой для всего производственного процесса, но тут как раз место руководителя этого мелкого подразделения занял один из ваших мальчиков, а на меня навалились другие заботы и я как-то выпустила эту проблему из вида. Ну а когда у меня снова появилось время, оказалось, что этой проблемы больше не существует.

Тучина удивленно вскинула брови:

– Ну и что же тебе не понравилось?

Даша поджала губы:

– То, как он ее решил. Он дал каждому все, в чем тот нуждался: алкоголик – пил, шлюху трахали иногда по два мужика на дню, а сам он регулярно собачился со стервой, но при этом подразделение работало так, что переваривало в два, а иногда и в три раза больший объем работы, чем я от него ожидала. То есть сначала мне показалось, что руководитель из него никакой, что он пустил дело практически на самотек и не сумел завоевать авторитет у подчиненных. Лишь когда я поняла, какую это подразделение выдает производительность, присмотрелась повнимательнее. – Дарья передернула плечами. – Понимаете, все это было сделано очень виртуозно, но он мне очень напомнил… кукловода. Его абсолютно не интересовало, что тихий алкоголик через два года такой жизни умрет от цирроза печени, шлюха скорее всего окончательно скатится к бешенству матки, а стерва, если уйдет из отдела, вообще больше не сможет работать с нормальными людьми, или, как минимум, им обеим потребуется серьезная психологическая помощь. Он, фигурально выражаясь, посадил эту троицу на иглу их комплексов и выжимал как лимон.

Тучина задумчиво покачала головой и внезапно спросила, глядя в глаза Дашуни:

– А как ты думаешь, эти трое, как они себя чувствовали в это время?

– В какое?

– Ну, пока там верховодил «один из моих мальчиков» (Дарья явственно ощутила в ее голосе эти кавычки)?

– То есть?

– Ну, чувствовали ли они себя счастливыми или хотя бы удовлетворенными жизнью?

Дарья смешалась:

– Не знаю… наверное… Во всяком случае, они получали полной мерой то, что хотели, иногда даже не сознавая этого. Да и с работой у них ладилось… Но поймите, нельзя так обращаться с людьми…

Но Тучина не дала ей договорить:

– А разве этого мало – хоть какое-то время чувствовать полное удовлетворение жизнью? И что бы ты предложила взамен?

Даша упрямо тряхнула головой:

– Все равно, нельзя поступать с людьми как с марионетками.

Тучина, ничего не говоря, несколько мгновений пристально смотрела на Дарью, одну из своих самых талантливых учениц. Взгляд ее потеплел, она улыбнулась:

– Ладно, Дашуня, будем считать, ты задала мне задачку. Надо хорошо подумать…

У дверей, ведущих в Георгиевский зал, послышался шум, и все, кто находился в парадном холле, потянулись туда.

– Ну вот, пора. Пошли.

– Вы тоже идете?

Тучина рассмеялась, разом снимая напряжение, накопившееся за время их разговора:

– Конечно, ведь ты сейчас будешь получать магистерский диплом университета, которым руковожу я…

Спустя шесть часов после того как церемония и последовавший за ней обед закончились и все приглашенные разъехались по домам и гостиницам, Тучина вышла из лифта и, пройдя длинный коридор, четырежды поворачивавший под прямым углом, остановилась перед массивным блоком-аквариумом толщиной почти три метра. Блок дрогнул и неторопливо поднялся вверх. Ирина Георгиевна поправила прическу и вошла в голубовато-серебристые сумерки Водного мира. Император сидел за столиком в домашнем халате, в шлепанцах на босу ногу и что-то просматривал на экране ноутбука, стоящего перед ним на небольшом столике со стеклянной столешницей. Тучина подошла и без приглашения уселась в кресло по другую сторону столика. Император поднял голову. Пару мгновений они смотрели друг на друга, потом Тучина устало произнесла:

– Я говорила с Дашуней.

Император молча кивнул.

– Она не готова принять всю правду… даже она! – Тучина зябко повела плечами. – Представь себе, как отреагируют остальные.

Император отодвинул ноутбук, откинулся на спинку кресла и, обхватив пальцами подбородок, устремил взгляд на сидевшую перед ним женщину. Уголки его губ дрогнули в усмешке.

– И что ты предлагаешь?

Ирина обхватила себя руками:

– Не знаю… Мы так неплохо жили все эти века… А после того сериала о Горце у меня даже появилось чувство облегчения. Сразу вокруг появилось столько психов, заявляющих, что они знают о бессмертных или сами бессмертны, что вероятность засветиться резко упала… и тут ты взял и вылез! – Она сердито поджала губы. – Я просто не знаю, как нам выпутываться из всего этого. – Тучина вскинула глаза на Императора. – Единственное, на что я надеюсь, так это что ты знаешь.

Тот, кто ныне носил имя Дмитрий Ярославичев, усмехнулся:

– Успокойся, Ирина, я знаю. А иначе как ты думаешь, зачем я затеваю эту войну?

8

Россия менялась. Издалека, из-за границы это было еще не очень заметно, но внутри это ощущали практически все. Причем эти изменения пока не слишком коснулись кармана. Доходы россиян по-прежнему отчаянно тужились обойти Китай и вплотную приблизиться к Португалии. Изменения касались другого. За прошедшие два десятка лет русские устали быть слабыми, устали бояться гулять по вечерам, устали дрожать за своих детей, призванных в армию или

отправленных на учебу в большой город. И уже потеряли надежду, что когда-нибудь наступит перемена к лучшему. Однако спустя всего несколько месяцев после коронации Императора у людей появилось ощущение, что что-то все-таки начинает меняться. Сначала лишилась погон, будто листьев по осени, целая роща милицейских чинов. Причем многие вместе с облегчением плеч получили и облегченную диету в местах не столь отдаленных. Все попытки замять дело разбились, словно волны о скалу, натолкнувшись на непоколебимое желание нижних чинов навести в своем ведомстве настоящий, а не семейно-клановый порядок. Сержанты, лейтенанты, капитаны и майоры (многие из которых носили на лацкане форменного кителя значок выпускника Терранского университета) невозмутимо выходили перед судейским жюри и ровным, спокойным голосом подробно рассказывали обо всем, что наблюдали в своем родном ведомстве на протяжении последних двадцати лет. Потом они вернулись на улицы, и все изменилось…

Сначала комодообразные джипы, презиравшие всякие правила, вдруг стали останавливать на перекрестках, а ехавших в них наглых молодчиков с бритыми затылками – укладывать мордой в самые большие лужи. Большинству, для того чтобы начать ездить более аккуратно, хватало двух-трех таких остановок в течение месяца, с остальными пришлось поработать более кропотливо… Потом очередная лихая разборка крутых накачанных ребят закончилась тем, что из-за поворота выехали два омоновских бэтээра и невозмутимо покрошили и тех, и других. А выступивший на следующий день по телевидению недавно назначенный заместитель министра внутренних дел произнес фразу, растиражированую всеми телеканалами страны: «Я вынужден предупредить всех представителей преступного мира, что теперь ношение оружия для них является осложнением, несовместимым с жизнью». Сразу после этого милиция провела несколько «показательных» операций, по окончании которых крупные организованные преступные сообщества в Санкт-Петербурге, Челябинске, Ростове, Краснодаре, Нальчике, Владикавказе и еще двух десятках городов перестали существовать. Чисто физически. За две недели было убито около двухсот сорока человек разных возрастов, национальностей, семейного и финансового положения (впрочем, бедных среди них не было, а треть «стоила» не менее десяти миллионов долларов) и социального статуса, объединенных только одним – все они пользовались крайним уважением в криминальной среде. Как видно, эти операции были тщательно подготовлены, поскольку потери правоохранительных органов составили всего около трех десятков раненых, а число случайных жертв равнялось нулю. И хотя в общем и целом количество убитых составило, наверное, менее одной сотой процента от числа людей, так или иначе связанных с криминальным миром, эти «показательные» расправы

ясно дали понять, что ситуация в сфере взаимоотношений «власть – криминалитет» поменялась коренным образом. После этой демонстративной кровавой бани начались мероприятия, менее захватывающие и леденящие кровь, зато гораздо более обширные по числу задействованных в ней сотрудников.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ПАТП – пассажирское автотранспортное предприятие.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/armageddon

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить